

Юридическая психология

№ 3 / 2016

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. № ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Воронин Д.В., Еремин Н.П., Коломойцев М.М.,
Супрун В.Н., Фролов В.А., Юрасов Н.Н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А.М., к.ю.н.
Балашов Н.М., к.ю.н., проф.
Вехов В.Б., д.ю.н., проф.
Георгадзе М.С., д.псх.н.
Германов Г.Н., д.п.н., проф.
Горленко В.В., д.в.н., к.ф.н., проф.
Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.
Дмитриев И.В., к.псх.н.
Дворянчиков Н.В., к.псх.н.
Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.
Дьячук И.А., к.соц.н., доц.
Зинченко Ю.П., д.псх.н., проф.
Иванков Ч.Т., д.п.н., проф.
Караяни А.Г., д.псх.н., проф.
Кекелидзе З.И., д.м.н., проф.
Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.
Кокурин А.В., к.псх.н., доц.
Котенев И.О., к.псх.н., доц.
Маликов С.В., д.ю.н., проф.
Марченков В.И., д.п.н., проф.
Мишуткин И.В., к.ю.н.
Можгинский Ю.Б., д.м.н.
Мягих Н.И., к.псх.н.
Пашин С.А., к.ю.н., проф.
Попов Д.Г., к.п.н.
Простяков В.В., к.псх.н., доц.
Родионов В.А., д.п.н., проф.
Сафуанов Ф.С., д.псх.н., проф.
Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.
Столяренко А.М., д.псх.н., проф.
Холодный Ю.И., д.ю.н., проф.
Цветков Ю.А., к.ю.н.
Эминов В.Э., д.ю.н., проф.
Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Бочарова М.А., Калинина Е.С., Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписные индексы:

«Роспечать» — 20626; «Объединенный каталог» (АРЗИ) — 91913;

«Каталог российской прессы» — 12779

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ

КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Костина Л.Н., Реуцкая И.Е.* Проблемы и перспективы использования психологических знаний при расследовании преступлений подразделениями следствия и дознания 3
- Берлыбекова М.Е.* Преступления против жизни, совершаемые женщинами 7
- Поплавская О.В., Оруджев Н.Я., Соколова А.Г.* К вопросу о комплиментарности клинических и юридических регуляторов работы с лицами, имеющими психические расстройства 11
- Зембатов М.Р.* Тест прекриминальной толерантности 16
- Некрасова Е.А.* Оптимизация ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов 21

ПРОБЛЕМЫ

СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

- Майорова Е.И.* О профессиональной этике судебного эксперта-эколога 24

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

- Белых-Силаев Д.В.* Полиграф как регистратор невербальной информации в юридически релевантной ситуации (к вопросу о научной обоснованности психофизиологического метода детекции лжи)..... 28
- Хамзин С.Р.* Научное обоснование исследований на полиграфе (реферативный обзор статьи Р. Нельсона)..... 36

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических и психологических наук.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа»

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.

Цена свободная

Номер подписан: 10.08.2016

Дата выхода в свет: 08.09.2016

ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

№ 3/2016

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI № ФС77-29367 of 23.08.2007.
Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Publishing Group "JURIST"

EDITOR IN CHIEF:

Belykh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Voronin D.V., Eremin N.P., Kolomojtsjev M.M.,
Suprun V.N., Frolov V.A., Yurasov N.N.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., candidate of juridical sciences,
Balashov N.M., candidate of juridical sciences, professor,
Vekhov V.B., doctor of juridical sciences, professor,
Georgadze M.S., doctor of psychological sciences,
Germanov G.N., doctor of pedagogical sciences, professor,
Gorlenko V.V., doctor of military sciences, professor,
Gur'yanov Yu.N., doctor of psychological sciences, professor,
Dmitriev I.V., candidate of psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., candidate of psychological sciences,
Dozortseva E.G., doctor of psychological sciences, professor,
D'yachuk I.A., candidate of sociological sciences, assistant professor,
Zinchenko Yu.P., doctor of psychological sciences, professor,
Ivankov Ch.T., doctor of pedagogical sciences, professor,
Karayani A.G., doctor of psychological sciences, professor,
Kekelidze Z.I., doctor of medical sciences, professor,
Kovalev O.G., doctor of juridical sciences, professor,
Kokurin A.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Kotenev I.O., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Malikov S.V., doctor of juridical sciences, professor,
Marchenkov V.I., doctor of pedagogical sciences, professor,
Mishutkin I.V., candidate of juridical sciences,
Mozhginskij Yu.B., doctor of medical sciences,
M'agkikh N.I., candidate of psychological sciences,
Pashin S.A., candidate of juridical sciences, professor,
Popov D.G., candidate of pedagogical sciences,
Prostyakov V.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Rodionov V.A., doctor of pedagogical sciences, professor,
Safuanov F.S., doctor of psychological sciences, professor,
Seliverstov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Stolyarenko A.M., doctor of psychological sciences, professor,
Kholodnyj Yu.I., doctor of juridical sciences, professor,
Tsvetkov Yu.A., candidate of juridical sciences,
E'minov V.E., doctor of juridical sciences, professor,
Yakovlev V.F., doctor of medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF PUBLISHING GROUP "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

EDITORIAL OFFICE:

Bocharova M.A., Kalinina E.S., Lapteva E.A., Platonova O.F.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88

(multichannel)

SUBSCRIPTION:

Rospechat' – 20626; United Catalogue – 91913;
Catalogue of the Russian Press – 12779

CONTENTS

PROBLEMS OF CRIMINAL PSYCHOLOGY

- Kostina L.N., Reutskaya I.E.* Problems and Prospects of Using Psychological Knowledge in Investigations of Crimes by Investigation and Inquiry Subdivisions..... 3
- Berlybekova M.E.* Crimes against Life Committed by Women 7
- Poplavskaya O.V., Orudzhev N.Ya., Sokolova A.G.* On the Complementarity of Clinical and Legal Regulators of Work with Persons Having Mental Disorders 11
- Zembatov M.R.* Precriminal Tolerance Test 16
- Nekrasova E.A.* Optimization of Spouses' Axiological and Semantic Attitude to Money..... 21

PROBLEMS OF FORENSIC EXAMINATION

- Mayorova E.I.* On Professional Ethics of Forensic Environmental Experts 24

PROBLEMS OF POLYGRAPHOLOGY

- Belykh-Silaev D.V.* Polygraph as a Recorder of Non-Verbal Information in Legally Relevant Situations (on the Scientific Validity of the Psychophysiological Method of Lie Detection) 28
- Khamzin S.R.* Scientific Substantiation of Polygraph-Based Tests (Abstractive Review of the Article of R. Nelson)..... 36

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal "Juridical Psychology": 014130@mail.ru

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation for publication of basic results of doctoral theses.

The journal is included in the database

Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Printed by LLC "National Polygraphic Group"

Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.

Free market price.

Passed for printing: 10.08.2016

Edition was published: 08.09.2016

ISSN 2071-1204

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Костина Любовь Николаевна,
*профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, доцент
Kostin62@mail.ru*

Реуцкая Ирина Евгеньевна,
*ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат психологических наук, доцент
irinareutskaya@yandex.ru*

В статье представлены результаты исследования, посвященного вопросам применения следователями и дознавателями психологических знаний в процессе расследования уголовных дел. Перечислены основные проблемы, с которыми сталкиваются следователи и дознаватели, указаны причины их возникновения. Обозначены перспективные предложения, направленные на разрешение выявленных трудностей. Отстаивается идея о тесном, деловом взаимодействии сотрудников следственных подразделений и дознания с психологами (специалистами и экспертами) и взаимной ответственности за результаты расследования уголовных дел. В целом, основной упор статьи сделан на повышении деятельности по расследованию преступлений посредством использования психологических знаний.

Ключевые слова: следователь, расследование уголовных дел, психологические знания, психолог.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATIONS OF CRIMES BY INVESTIGATION AND INQUIRY SUBDIVISIONS

Kostina Lyubov N.,
*Professor of the Department of Psychology, Educational and Scientific Complex
of Psychology of Employment Activities
Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Doctor of Psychology, Assistant Professor*

Reutskaya Irina E.,
*Leading Research Scientist All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
PhD in Psychology, Assistant Professor*

The article presents the results of a study that dedicate on the use of psychological knowledge by investigators and interrogators in the course of criminal investigations. Listed the main problems faced by investigators and investigators, the reasons for their occurrence are state. Forward proposals aimed at resolving the identified difficulties are identify. It defends the idea of a close, business cooperation of staff investigative units and inquiry with psychologists (specialists and experts) and mutual responsibility for the results of investigation of criminal cases. In general, the emphasis of article placed on improving on the activities of crime investigation through the use of psychological knowledge.

Key words: investigator, investigation of criminal cases, psychological knowledge, a psychologist.

Актуальность применения психологических знаний в процессе расследования уголовных дел очевидна. Во-первых, это связано с тем, что следователи и дознаватели самостоятельно применяют психологические знания, обеспечивая тем самым выполнение следственных действий. Во-вторых, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации следователи и дознаватели прибегают к помощи психологов — экспертов и специалистов, по-

знания которых направлены на решение различного рода психологических проблем. В третьих, практика применения психологических знаний, тесного взаимодействия следователя (дознателя), оперативного сотрудника, психолога неоднократно доказала свою эффективность в расследовании наиболее сложных уголовных дел. Об этом в своих работах отмечали ученые-психологи (В.Л. Васильев, М.М. Коченов, А.И. Папкин, О.Д. Ситковская, А.М. Столяренко

и др.) и юристы (В.П. Божьев, В.М. Быков, А.Р. Рапинов, В.Ф. Статкус, В.С. Чистякова и др.), а также сотрудники подразделений следствия и дознания.

В целях изучения вопросов использования психологических знаний в ходе расследования преступлений было проведено исследование, в котором приняли участие 129 сотрудников подразделений по расследованию преступлений органов внутренних дел из трех регионов Российской Федерации. Средний стаж службы в органах внутренних дел у следователей составил 10 лет, у дознавателей — 7 лет. Стаж в должности соответственно составил 5 лет и 4 года. На наш взгляд, такой стаж работы говорит о достаточном уровне профессионализма сотрудников, а также о наличии определенного опыта использования психологических знаний в расследовании уголовных дел.

Анкетирование показало, что значительная часть респондентов (80 %) не испытывает трудностей в применении своих знаний и умений в области юридической и социальной психологии. Этому способствуют оптимальность психологических знаний, полученных в образовательных организациях высшего образования (56 % следователей и 77 % дознавателей), жизненный и профессиональный опыт. По мнению опрошенных сотрудников (56 % следователей и 100 % дознавателей), допрос является одним из наиболее психологически насыщенных и сложных следственных действий по сравнению с очной ставкой, проверкой показаний на месте.

Анализ практической деятельности и проведенное анкетирование показывают, что наибольшие трудности следователи и дознаватели испытывают при установлении и поддержании психологического контакта и доверительных отношений с участниками предварительного расследования (подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими), а также в процессе диагностики лжи и скрываемых обстоятельств. Установление психологического контакта и диагностика лжи являются профессионально-психологическими действиями (данный термин был введен в научный оборот профессором А.М. Столяренко) [1, 285–286].

Подчеркнем, что выполнение следственных действий и указанных профессионально-психологических действий обеспечивается совокупностью психологических методов и тактико-психологических приемов. Несмотря на часто используемый в литературе и практике термин «тактический прием», мы считаем оправданным применение термина «тактико-психологический прием», так как в нем заложен глубокий психологический смысл [2, с. 9].

Исследование причин трудностей при осуществлении перечисленных профессионально-психологических действий показало, что следователи и дознаватели ограничиваются минимальным количеством методов исследования и методов психологического воздействия на допрашиваемых лиц. Половина опрошенных следователей (52 %) и третья часть дознавателей (31 %) применяют метод наблюдения для изучения личности подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. Анализ результатов деятельности применяют 44 % следователей и 23 %

дознавателей, биографический метод соответственно 33 % и 69 % респондентов. Кроме того, лишь некоторые респонденты указали, что используют метод беседы на близкие и понятные гражданину темы для изучения личности и установления психологического контакта.

Опрошенные следователи и дознаватели, применяя указанные методы, изучают в личности следующее: 1) отношение допрашиваемого лица к людям (соответственно 52 и 62 %); 2) уровень интеллекта допрашиваемого лица (56 и 31 %); 3) отношение к моральным и правовым ценностям (48 и 54 %); 4) характер в целом (48 и 46 %). Меньшее количество респондентов исследует потребности и мотивы поведения (33 и 39 %), интересы и склонности личности (37 и 31 %), особенности воли (11 и 8 %). Следует отметить, что следователи и дознаватели проявляют узость в изучении индивидуально-психологических особенностей личности допрашиваемых.

С учетом результатов исследования выделим причинно-следственные связи и некоторые особенности в осуществлении профессионально-психологических действий, которые, в свою очередь, обеспечивают проведение допроса и иных следственных действий. Ограниченность и некомплексный характер изучения личности допрашиваемого лица снижают полноту и объективность информации об индивидуально-психологических особенностях этого лица, что в свою очередь выступает в качестве причины затруднений при установлении и поддержании психологического контакта, диагностике живых показаний. Неполнота представлений о личности допрашиваемого лица становится для сотрудника препятствием, своеобразной психологической преградой на пути и к доверительным отношениям, межличностному взаимодействию и деловому общению с этим лицом в процессе расследования уголовного дела.

Подобное ограничение наблюдается и в применении методов воздействия на допрашиваемых лиц, в том числе для получения достоверных показаний. По данным анкетирования, в качестве основных методов для большинства респондентов выступают убеждение (63 % следователей и 77 % дознавателей) и разъяснение положений закона о смягчающих вину обстоятельствах нереальности угроз (56 и 62 %). Гораздо реже сотрудники используют метод примера (30 и 23 %) и поощрения (7 и 23 %).

Для изобличения допрашиваемых во лжи значительная часть респондентов использует тактико-психологические приемы: предъявление доказательств (78 % следователей и 77 % дознавателей), логические противоречия (соответственно 78 и 69 %). Другими словами, следователи и дознаватели практически доказывают целесообразность обращения к рациональной составляющей психики граждан, ее активизации с целью получения правдивых показаний. Демонстрацию осведомленности применяют 33 % следователей и 69 % дознавателей, а детализацию показаний соответственно 22 и 46 %. Тем не менее нельзя признать достаточным применение указанных приемов. Существуют и другие, не менее известные тактико-психологические при-

емы, доказавшие свою эффективность в расследовании уголовных дел.

Несмотря на возрастающую в настоящее время роль информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел, принявшие участие в анкетировании сотрудники очень редко используют технические средства (видео- и звукозапись) при расследовании наиболее сложных уголовных дел. На это указали 67 % следователей и 39 % дознавателей. Ответ «не использую технические средства» выбрали соответственно 33 и 39 % сотрудников. Это свидетельствует не только о низком уровне технической оснащённости, но и нежелании сотрудников создавать себе дополнительные нагрузки. Тем не менее применение технических средств имеет широкий спектр, начиная от изучения психологически значимых особенностей личности на основе анализа и сравнения содержания речи и высказываний, невербального поведения и реакций допрашиваемого (ых), заканчивая выявлением его (их) роли в совершении группового преступления, степени искренности (правдивости) в показаниях.

Что касается применения знаний психолога в расследовании уголовных дел, то отметим следующее. Целесообразность привлечения специалиста-психолога для участия в производстве предварительного расследования по каждому конкретному уголовному делу определяется следователем (дознавателем) [3, с. 339]. Изучение практической деятельности следователей и дознавателей показывает, что психолог чаще всего выполнял следующие основные функции: оказание помощи в формулировании вопросов эксперту для проведения судебных психологических или комплексных психолого-психиатрических экспертиз. В соответствии со ст. 425 УПК РФ сотрудники (22 % следователей и 31 % дознавателей) приглашали психолога для допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с целью предоставления дополнительной информации о личности допрашиваемого, оказания помощи в установлении и поддержании психологического контакта с допрашиваемым, оказания помощи несовершеннолетнему при воспоминании о тех или иных событиях. Кроме того, следователи и дознаватели отметили, что имеются трудности при необходимости использовать знания психолога (или помощь психолога) в процессе расследования преступлений: невозможность прибытия психолога (педагога) из-за занятости на своем рабочем месте (20 %); большие временные затраты на вызов указанного специалиста (18 %), отсутствие квалифицированных специалистов (5 %).

Опрос следователей и дознавателей показал, что судебную психологическую или комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу за период своей служебной деятельности назначали 67 % следователей и 92 % дознавателей. Трудностей при назначении вышеназванных экспертиз опрошенные следователи и дознаватели в основном не испытывают.

Особо следует отметить, что принявшие участие в исследовании следователи и дознаватели занимают с повышением профессиональной квалифика-

ции и мастерства. Так, большинство из них (96 % следователей и 100 % дознавателей) используют в своей деятельности методические рекомендации. При этом 93 % следователей и 69 % дознавателей указали, что методические рекомендации помогают им в ходе расследования преступлений. Кроме того, 70 % опрошенных следователей и 62 % дознавателей когда-либо знакомы с методическими рекомендациями, освещающими психологические аспекты расследования преступлений.

Положительные ответы респондентов были получены также в отношении посещения занятий в системе морально-психологической подготовки, которые проводят специалисты в узких областях науки психологии. Следует отметить, что имеется расхождение между выявленными трудностями психологического порядка, с которыми сталкиваются сотрудники, и темами занятий по морально-психологической подготовке. Так, каждый второй следователь и третий дознаватель отметили, что психологи проводят занятия по теме «Психология личности правонарушителя и ее учет в расследовании преступлений». Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Но проведенное исследование показывает, что наиболее востребованные следователями темы освещаются на данных занятиях очень редко. Только 20 % респондентов отметили, что с ними проводят занятия по теме «Психологические приемы установления и поддержания психологического контакта и доверительных отношений с подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими». Лишь каждый десятый респондент отметил, что он посетил занятия по следующим темам: «Психотехника речи сотрудника органов внутренних дел»; «Визуальная диагностика собеседника»; «Тактико-психологические приемы изобличения во лжи и получения достоверной информации при производстве допроса»; «Организационно-психологические аспекты взаимодействия сотрудников при расследовании преступлений». Стоит отметить, что направленность таких занятий можно охарактеризовать как теоретическую, так как наиболее часто используемой формой их проведения является лекция (71 % следователей и 46 % дознавателей). В одном из десяти случаев такие занятия проводятся с элементами практического занятия (соответственно 15 и 8 %).

Как правило, следователи самостоятельно не знакомятся с психологической литературой. Только 3,7 % опрошенных сотрудников знакомятся с психологическими журналами. Кроме того, по мнению трети опрошенных, в юридических изданиях (периодической печати, научной литературе и т. д.) редко встречаются материалы, касающиеся психологических аспектов расследования преступлений.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что большинство следователей (дознавателей) не испытывает трудностей в применении своих знаний и умений в области психологии при расследовании уголовных дел. Тем не менее наиболее сложными для сотрудников являются профессионально-психологические действия при осуществлении допросов: установление психологи-

ческого контакта с участниками предварительного расследования; диагностика лжи и скрываемых обстоятельств. Причинами возникновения этих трудностей выступают: 1) ограниченность и некомплексный характер в применении следователями и дознавателями методов исследования личности допрашиваемых лиц, методов воздействия на личность, а также тактико-психологических приемов; 2) редкость использования технических средств (видео- и звукозаписи) в процессе расследования сложных уголовных дел с целью изучения психологически значимых особенностей личности подозреваемого (обвиняемого), степени искренности (правдивости) в показаниях.

Деятельность психолога-специалиста в процессе расследования уголовных дел чаще всего связана с оказанием помощи следователю (дознавателю) при назначении судебных психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Редкое обращение к помощи психолога-специалиста связано с невозможностью прибытия психолога из-за занятости на своем рабочем месте; большими временными затратами на вызов указанного специалиста, отсутствием квалифицированных специалистов. Трудностей при назначении судебно-психологических экспертиз следователи (дознаватели) не испытывают.

В качестве основных форм совершенствования профессионального мастерства, в том числе в области применения психологических знаний, следователи и дознаватели используют: 1) посещение занятий по морально-психологической подготовке; 2) знакомство с методической литературой и применение в практике расследования указанных в ней психологических рекомендаций. Самостоятельно с психологической литературой следователи (дознаватели) не знакомятся. Теоретический характер проведения психологами занятий по морально-психологической подготовке, а также редкое рассмотрение на этих занятиях проблем, вызывающих у сотрудников психологические затруднения, не способствуют оптимизации оперативно-служебной деятельности сотрудников подразделений предварительного следствия и дознания.

Полученные в ходе исследования выводы позволяют сформулировать перспективные предложения, направленные на разрешение трудностей и проблем, с которыми сталкиваются следователи (дознаватели) в процессе применения психологических знаний на этапе предварительного следствия.

1. Запланировать и провести научное исследование, в котором с позиций психологии и тактики расследования преступлений раскрыть актуальные проблемы: 1) исследование личности допрашиваемого лица, в том числе при помощи визуальной психодиагностики личности; 2) установление и поддержание психологического контакта и доверительных отношений с допрашиваемым лицом; 3) диагностика лжи и скрываемых обстоятельств; 4) изобличение подозреваемого (обвиняемого) во лжи; 5) применение технических средств для изучения психологически значимых особенностей личности подозреваемого

(обвиняемого), степени искренности (правдивости) в показаниях.

2. На основе проведенного исследования подготовить и внедрить методические рекомендации в практическую деятельность следователей, дознавателей и психологов органов внутренних дел. В рекомендациях акцентировать внимание на технологических вопросах, т. е. применении разработанных психологических и тактико-психологических приемов и методов для решения указанных проблем и повышения эффективности расследования уголовных дел.

3. При подготовке планов по морально-психологической подготовке следователей и дознавателей отдавать предпочтение практическим занятиям по указанным пяти проблемам. Практические занятия рекомендуется проводить с элементами или в форме деловых игр. К проведению таких занятий приглашать психологов, имеющих соответствующую квалификацию, а также опытных сотрудников, которые могут продемонстрировать мастерство применения психологических методов и тактико-психологических приемов в расследовании уголовных дел.

4. Руководителям следственных подразделений и подразделений дознания обеспечивать контакты сотрудников с психологами для решения проблем, возникающих в ходе расследования преступлений. Следователям и дознавателям накапливать опыт установления и поддержания тесных деловых контактов с психологами (специалистами и экспертами). Сотрудник, имея представления о возможностях психолога и о том, как осуществлять сотрудничество с ним, будет совершенствовать свой профессионализм, оттачивать мастерство практического применения психологических знаний, навыков и умений, психотехнологий за счет совместной работы со специалистом. От такого сотрудничества выигрывают обе стороны — и следователь, и специалист, а также повышается ответственность за результаты расследования преступлений.

5. При организации учебно-методических сборов и повышения квалификации следователей и дознавателей, а также научно-практических конференций предусматривать проведение мастер-классов по применению психологических знаний в расследовании определенных категорий уголовных дел. Создавать условия для взаимного обмена опытом между практическими сотрудниками, психологами органов внутренних дел, преподавателями психологических и юридико-психологических дисциплин.

Литература

1. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2003. Раздел 9. Вступительная статья. 607 с.
2. Костина Л.Н. Психологическое обеспечение расследования групповых преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: Академия управления МВД России, 2010. 46 с.
3. Реуцкая И.Е. Основные направления психологического обеспечения предварительного расследования преступлений / Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию проф. А.И. Папкина (Москва, 19 сентября 2012 г.). М.: РУДН, 2012. 455 с.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЖЕНЩИНАМИ

Берлыбекова Мадьяна Еркеновна,

*доцент кафедры оперативно-разыскной тактики и специальной техники (ОРТuCT)
Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан,
полковник полиции
2050nugutanova@mail.ru*

В данной статье рассматриваются преступления против жизни, совершаемые женщинами, в частности убийства. Изучены факторы и условия, влияющие на совершение женщиной убийства. Анализируются социальные патологии, провоцирующие убийства. Раскрывается связь между индивидуальным преступным поведением женщин-убийц и их окружением. Помимо этого, составлен обобщенный портрет женщины, совершившей убийство.

Ключевые слова: преступление, убийство, характеристика, квалификация, личность, криминальный, предупреждение, осужденные, злоупотребление, зависимость, поведение, насилие, конфликт, детоубийство.

CRIMES AGAINST LIFE COMMITTED BY WOMEN

Berlybekova Madyana E.,

*Assistant Professor of the Department of Operational Search
Tactics and Special Techniques
Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Police Colonel*

This article examines crimes against life committed by women, particularly murders. The factors and conditions affecting commission murder by woman have been researched. In the article also analyzes social pathologies that provoke murder, discloses connection between individual criminal behavior of women-killers and their environment. In addition, made generalized portrait of the woman committed murder.

Key words: crime, murder, characteristic, qualification, personality, criminal, warning, convicted, abuse, addiction, behavior, violence, conflict, filicide.

Преступления против жизни, а тем более убийства не происходят спонтанно, они почти всегда подготовлены более или менее длительным процессом формирования личности, принятия решения и выбора средств для его осуществления. «Человек — существо социальное, поэтому с изменением возраста наступают не только биологические (физиологические) изменения его организма... Изменяются обстановка, условия, в которых находится, живет, трудится человек, изменяются его социальные функции, социальный опыт, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные ситуации» [10, с. 160]. На формирование личности и ее поведение оказывают влияние разнообразные явления и процессы общественной жизни, в частности обстоятельства материального, политического, идеологического и психологического порядка. Взаимодействие личности со средой происходит в виде оценки осознания окружающего социума, иными словами, личность моделирует среду и собственное поведение, далее принимает решение. При этом личность воздействует на ситуацию в негативном, неблагоприятном для страны и социума направлении. В итоге происходит убийство, и как закономерность ответ со стороны общества и государства — привлечение к ответственности. Это особенное противоборство: женщина нарушает закон, за это государство ее наказывает.

Убийство есть закономерный результат всего предшествующего поведения личности. Крайне важно искать причины и в личности убийцы, и в мотивах деяния. Убийство есть итог объективных и субъективных условий. Субъективные условия относятся к характеристике лица, совершившего убийство. Объективные условия охватывают широкий круг вопросов социального характера: социальные разногласия, социальные деформации, социальные патологии, социальные конфликты и т. д., то есть все то, что определяет личность (микро- и макросреда). Однако и само криминальное направление личности преступницы (условие субъективного характера) создает предпосылки для совершения убийства. Социальная среда есть противоположная сторона убийства. В социуме формируются «общественные болезни» — социальные аномалии (наркомания, пьянство, алкоголизм, проституция и пр.) [15, с. 38]. Эти и другие «общественные болезни», изменяясь и воздействуя друг на друга, порождают непростые и искаженные формы поведения людей. Алкогольное опьянение влияет на поведение потерпевших, снижает способность верно оценить ситуацию. В состоянии опьянения чаще и проще завязываются мимолетные знакомства, потерпевшие чаще становятся инициаторами конфликтов и драк, провоцируя своими действиями тех, кто в результате стал убийцей.

Убийства совершаются по воле людей, которые поступают либо осознанно, либо импульсивно. Между индивидуальным преступным поведением и условиями жизнедеятельности людей лежит промежуточная область — область межличностных отношений. Именно в таких отношениях, когда они аномальны и исковерканы, совершается большинство убийств. При этом сами по себе убийства не могут являться лишь результатом социальных противоречий. Их фундамент есть социальная деформация, в запущенных случаях — деградация. В подавляющем большинстве случаев, как показывают многочисленные публикации и наше собственное исследование, убийца и жертва относятся к одной и той же социальной неустойчивой среде, у обоих почти одинаковые личностные изменения и стандарты поведения. Мотив — основа убийства. Убийство — способ преступления. Мы разделяем мнение ряда криминологов о необходимости изучения не столько убийств, совершаемых женщинами, сколько самих женщин, их психологию, при этом не ставя знака тождества между женской и мужской психологией [1, с. 126–144]. Женщинам необходимо «выразить то, что конкретно возникло, сложилось на момент совершения преступления „вокруг“ человека, допустившего преступление» [11, с. 38]. Это и есть криминальная ситуация. Убийства есть «результат реагирования личности в конечном счете на соответствующую ситуацию» [5, с. 16]. Поведение женщины-убийцы есть превращение внутреннего состояния личности в действие по отношению к социально значимым объектам. Издавна известно, что даже архисложная ситуация не подразумевает единственно преступный способ ее разрешения. Каким бы ни был большим удельный вес внешних факторов в ситуационном или неосторожном преступлении, его совершает конкретная личность, что свидетельствует о наличии в ее структуре определенных дефектов. Иное дело, что степень нравственной деформации, а значит и степень общественной опасности этой личности значительно меньше, чем у злостного преступника. Если личность до момента совершения правонарушения ни в чем крамольном не замечалась, это не означает, что в момент его совершения она кардинально трансформируется из приличного члена общества в асоциальную личность. Более вероятно, что в определенной ситуации ранее скрытые негативные свойства в структуре личности начинают доминировать над положительными качествами, что находит выражение в преступном проявлении [14]. Возможно, «срабатывает» та самая «капля жульнической крови», которая, по мнению писателя В. Шаламова, есть в каждом человеке [19, с. 11–40]. Женщины-убийцы в большинстве своем предпочитают обвинять потерпевших за произошедшее и сваливать вину на жертву. Сюда же можно отнести и своеобразную оценку женщиной внешних обстоятельств: в своих суждениях женщины высказывают неверное представление о роли жертвы, и это отражается в гиперболизации одних элементов конфликтной ситуации и занижении других. И уже в зависимости от того

насколько реальная ситуация отвечает или противоречит мнению субъекта, им и принимается итоговое решение.

Ю.М. Антонян отмечал, что преступное поведение соответствует тому субъективному значению, которое преступник придает внешним факторам [3, с. 48]. Характер общественных отношений определяет вектор поведения людей, складывающийся из семейно-бытовых, межличностных и иных отношений, уровня жизни членов общества. В результате изменяются не только общественные, но и межличностные отношения, фокусируясь в семье. Как утверждает И.Н. Платонов, семья и есть тот угол зрения, под которым следует рассматривать семейно-бытовые отношения. Преступления совершают конкретные люди, но все начинается с семьи [16, с. 60]. Семья связана с обществом тысячами нитями, а «управляет» всем этим, выступая на передний план — личность [8, с. 204]. Очевидно, семейно-бытовые отношения играют важную роль. Семья является отражением всей жизни общества. Личность формируется в известном смысле «по образу и подобию» типичных социальных отношений, при этом, конечно, необходимо учитывать личностные особенности, обуславливающие из всех различных вариантов выхода из конфликтной ситуации именно преступный и максимально социально опасный. То есть психологическая тенденция личности и ее готовность к совершению убийства — это итог влияния на нее социальной среды и близкого окружения. В то же время стоит признать, что сознание женщины обладает достаточной самостоятельностью при избрании той или иной линии поведения.

В числе одной из причин убийства на семейно-бытовой почве ученые называют противоречия между социальным статусом женщин и мужчин, наиболее резко проявляющиеся в наличии неравенства полов в быту. «Ядро семьи составляет супружество. Брачные отношения задают тон всем остальным отношениям» [18, с. 175].

Сведения о потерпевших

Потерпевший	Количество, в %
Супруг	17
Родственники	12
Сожитель	24
Близкий знакомый	17
Малознакомый	19
Незнакомый	11
Иное	0

По нашим данным (см. табл.), наибольшее количество потерпевших составляют сожители (24 %), далее идут мужья (17 %) и родственники (12 %). Как мы видим, гнев женщин в первую очередь обращен против сожителей/мужей. В сфере семейно-бытовых отношений мужья/сожители прибегают к различным формам физического воздействия,

не встречая отпора у женщины. Многие женщины утаивают конфликтные ситуации от родных и близких, стараются не говорить о семейной жизни, о боях со стороны мужа/сожителя. Физическое насилие в отношении женщин обостряется социальным давлением, в основном: чувством стыда, недостаточной юридической грамотностью, недоверием по отношению к органам внутренних дел, что порождает у женщин страх и отсутствие стремления к достижению равноправия [6, с. 60]. И, как результат, женщины пассивны, терпимы к насилию со стороны сожителя (мужа), что формируют у мужчины уверенность в своей безнаказанности. [2]. При этом невысокий уровень образования самих женщин, аналогичный социальный статус, невозможность самореализации, выполнение нетребующей квалификации работы являются фундаментом для формирования у женщины низкой самооценки, утраты чувства личного достоинства и самоуважения. Насилие мужчины воспринимается женщиной в порядке вещей, наблюдается своеобразное «привыкание» [4, с. 3–4]. Страх общественного неприятия и осуждения устанавливает жесткие рамки поведения женщины, ограничивает проявление нужной инициативы с ее стороны в устранении кризиса в семье. Неслучайно женщины с высшим образованием составляют, по данным нашего исследования, всего 3 % от общего числа женщин, совершивших убийства. Люди с высоким уровнем образования и, как правило, культуры находят выход из конфликтов в быту непреступным способом — развод, примирение и т. д. Постоянно пребывая в условиях межличностного конфликта, женщина не может объективно оценить степень реальности угрозы убийства. Многократные угрозы воспринимаются женщиной как влияние алкоголя или наркотиков у мужа (сожителя), по истечении которого наступят обычные семейные отношения, что практически исключает поиск способов к устранению повторности угроз убийством. К сожалению, даже после обращения в органы внутренних дел и принятия ими предупредительных мер кардинального изменения ситуации, как правило, не происходит. Мужья возвращаются в условия домашнего конфликта, продолжают линию своего противоправного поведения в отношении жены, дополнительной причиной которого может стать и ее обращение за помощью в полицию. Это подтверждается исследованием Н.Ж. Жунусова, которое свидетельствует о том, что, несмотря на большое количество фактов высказывания угроз убийством, на практике тем не менее, согласно официальной статистике, доля лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 115 УК РК, крайне мала. По данным Н.Ж. Жунусова, почти в половине случаев (42,6 %) конкретные мотивы угроз убийством правоохрнительными органами не были точно установлены, что говорит о неприятии ими данного вида преступлений как «серьезного» и заслуживающего внимания. По сведениям Н.Ж. Жунусова, анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что более трети

совершаемых убийств предшествуют случаи угрозы убийством [9].

Как видно из приведенной выше таблицы, жертвами женщин помимо мужей и сожителей становятся родственники в 12 % [7]. У этих женщин в силу совместного проживания с потерпевшим нет возможности уйти. Отношения с потерпевшим за редким исключением неприязненные, являющиеся следствием длительных конфликтных ситуаций. Женщины становятся объектом физической расправы, насилия, побоев. В силу родственных отношений женщины не принимают никаких мер, надеялись на самостоятельное разрешение конфликта, боялись огласки. В таких семьях утрачивается способность критично оценить обстановку, отделить реальную опасность от мнимой. По утверждению В.В. Лунева, «насильственные действия, которые в других условиях считались бы преступными, узакониваются, когда они совершаются в отношении женщин и детей в частной семейной сфере» [13, с. 192].

Все сказанное относится в равной степени и к убийствам, совершенным в состоянии аффекта. Как известно, аффект возникает при ослаблении воли как свойства личности и является показателем несдержанности, неспособности человека к самообладанию и выдержке, в какой-то мере отражая его нежелание противостоять внешним влияниям [17, с. 31]. Прежде всего, аффектам подвержены женщины, не приучившие себя к контролю над своими чувствами, те, которых по свойственной им эффективности можно назвать эмоционально несдержанными [12, с. 137]. Им свойственна большая частота конфликтов, сопровождающаяся стрессами, эмоциональными вспышками, нервными расстройствами. Возникновение любых нестандартных ситуаций для них чревато всплеском насилия, особенно если действия потерпевшего носят активно провоцирующий характер. Наряду с убийствами, совершаемыми женщинами в отношении сожителей, мужей, близких родственников, достаточно распространенными являются убийства, совершаемые женщинами в отношении знакомых, малознакомых и незнакомых лиц. По нашим данным, это 17 %. Женщина и потерпевший (ая) общаются длительное время, это может быть совместная учеба, работа, место проживания, часто встречаются, имеют общих знакомых и т. д. В силу разных причин между ними могут сложиться неприязненные отношения, разрешением которых может явиться убийство. В 19 % жертвы — это малознакомые, для данного вида взаимоотношений между убийцей и потерпевшим (ей) характерно отсутствие постоянных связей. Общение крайне фрагментарно либо вообще отсутствует. Женщина знает потерпевшего, обладает частичной информацией о его жизни. Убийства в этом случае не имеют подготовки. В 11 % жертвы — это незнакомые лица, женщина и потерпевший (ая) не знакомы друг с другом, у них нет точек пересечения, в массе своей это убийства из корысти либо по неосторожности, реже из хулиганства.

Одним из проявлений кризиса и деформации института семьи является детоубийство. Если в той

социальной группе, из которой вышла женщина, наличие незаконнорожденного ребенка является недопустимым, в женщине просыпается враждебное начало. Она всячески пытается остаться в своем мире и решается на убийство, совершенно не задумываясь о моральной и правовой основе своих действий. Страх лишиться своего социума, страх отвержения и критики со стороны окружающих, а также то, что ребенок будет мешать ей жить так, как она привыкла, потребует физических и материальных затрат, склоняет женщину на убийство новорожденного ребенка. Характер «психотравмирующей ситуации» может определить характер психической травмы женщины, а длительность воздействия обуславливается не только ситуацией родов, но в большей степени отношением личности к этой ситуации. Чем она длиннее, тем она более болезненна. Нетерпимость и презрение родственников, недопустимость внебрачных связей приводят к состоянию повышенного стресса и мучительному выбору между желанием родить ребенка и страхом перед оглаской и «позором». Добавочным фактором могут выступить отказ врачей прервать беременность из-за большого срока, невозможность уехать в другую местность из-за отсутствия материальных средств и т. п. Эти симптомы усиливаются во время родов и нарушают ясность понимания. Сразу же после родов наступает состояние вакуума, равнодушия и слабости. Множество подобных факторов обуславливает физическую и психологическую изоляцию беременной женщины. Детоубийцы надеются, что о содеянном никто не узнает. После совершения убийства новорожденного женщины нервно пытаются скрыть содеянное (прячут, выбрасывают тело), что свидетельствует о глубине эмоционального срыва, ограничивающего адекватную оценку обстановки и возможность регулировать свои действия. Женщины держат беременность в секрете, после убийства уничтожают следы преступления. В итоге официальные цифры не всегда показывают истинную ситуацию. Если ранее считалось, что детоубийцы — незамужние женщины без постоянного источника дохода, то сейчас ситуация несколько изменилась. Практика показывает, что подобные убийства совершают и замужние дамы. После рождения первых детей, не желая новых, решаются на убийство новорожденного, что явно свидетельствует о болезни и «ненормальности» общества.

Таким образом, по мнению автора, женщина, совершившая убийство, — это горожанка от 20 до 45 лет, как правило, со средним образованием, с низкой самооценкой, зависимостью от мужчины и потребностью в заботе о нем. Характеризуется повышенной конфликтностью, неуверенностью в себе, достаточно частым употреблением алкоголя, отсутствием постоянной работы, в большинстве случаев имеющая детей, испытывающая материальные затруднения, и в то же время враждебным отношением к окружающим, высоким уровнем тревоги и беспокойства. Концентрация беспокойных и сомнительных идей проявляется у нее в эмоциональной необузданности и неумении контролировать свое поведение.

Состояние межличностных отношений в современном обществе, характеризуемое нарушением естественного процесса связи поколений на фоне продолжающегося мирового кризиса, неудовлетворительной семейной ситуацией, бытовой неустроенностью, отрешенностью в семейных отношениях, игнорированием ответственности, утратой чувства долга, подводит к выводу о том, что в ближайшее время каких-либо радикальных изменений не произойдет.

Литература

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. 207 с.
2. Алихаджиева И.С. Женщина как жертва убийства (Криминологическая характеристика и социально-правовые меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 23 с.; дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 214 с.
3. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М.: Академия МВД СССР, 1973. 71 с.
4. Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятные влияния на личность в микросреде). М.: Академия МВД СССР, 1975. 159 с.
5. Блувштейн Ю.Д. Конкретные преступления; их причины и предупреждение. Минск, 1987. 94 с.
6. Организация Объединенных Наций. Доклад IV Всемирной конференции по положению женщин (ООН). Пекин, 4-15 сентября 1995. Издание Организации Объединенных наций. Нью-Йорк, 1996 г. 237 с. [Электронный ресурс] <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/Beijing%20full%20report%20R.pdf> (дата обращения: 24.07.2016).
7. Данные на основе исследований в учреждениях ЛА № 155/4, ОВ № 156/21, АК № 159/9, проведенных автором.
8. Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. М.: Юрид. лит., 1989. 444 с.
9. Жунусов Н.Ж. Угроза: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2006. 30 с.
10. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. Изучение количественных показателей, характеризующих личность преступника. М.: Юрид. лит., 1971. 184 с.
11. Кудрявцев В.Н. Правонарушения: их причины и предупреждение. М.: Московский рабочий, 1977. 78 с.
12. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
13. Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
14. Мозяков В.В. Руководство для следователей / под общ. ред. Мозякова В.В. М.: Экзамен, 2005. 912 с.
15. Ольков С.Т. Общественные болезни. Тюмень, 1996. 331 с.
16. Платонов И.Н. Досуг и семейные преступления / Преступления в сфере быта и досуга: мат-лы науч.-практ. конф. Челябинск, 1996. 178 с.
17. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение // Социально-психологическое и правовое исследование. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 160 с.
18. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1964. 367 с.
19. Шаламов В. Жульническая кровь: в 6 т. Том 2. М., 2013. Ebook 2015, 514 с.

К ВОПРОСУ О КОМПЛИМЕНТАРНОСТИ КЛИНИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ РЕГУЛЯТОРОВ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА

Поплавская Ольга Викторовна,

*доцент кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии с курсом ФУВ
Волгоградского государственного медицинского университета
Минздрава России, кандидат медицинских наук
poplavok9@rambler.ru*

Оруджев Назим Яшарович,

*профессор, заведующий кафедрой психиатрии, наркологии и психотерапии с курсом ФУВ
Волгоградского государственного медицинского университета
Минздрава России, доктор медицинских наук
orudjev38@mail.ru*

Соколова Анна Геннадиевна,

*ассистент кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии с курсом ФУВ
Волгоградского государственного медицинского университета
Минздрава России
guz_vopd3@mail.ru*

В статье анализируются проблемы важности учета клинического состояния больных с психическими расстройствами при вынесении юридических решений. Подчеркивается необходимость участия специалиста психиатра в судебных заседаниях при решении спорных вопросов, возникающих при работе с данным контингентом больных.

Ключевые слова: психическое расстройство, правовая регуляция психиатрической помощи, амбулаторная психиатрическая помощь.

ON THE COMPLEMENTARITY OF CLINICAL AND LEGAL REGULATORS OF WORK WITH PERSONS HAVING MENTAL DISORDERS

Poplavskaya Olga V.,

*Assistant Professor of the Department of Psychiatry,
Narcology and Psychotherapy with the Course of Continuing Medical Education
Volgograd State Medical University
of the Ministry of Health of Russia, PhD in Medicine*

Orudzhev Nazim Ya.,

*Professor, Head of the Department of Psychiatry,
Narcology and Psychotherapy with the Course of Continuing Medical Education
Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Doctor of Medicine*

Sokolova Anna G.,

*Assistant in the Department of Psychiatry,
Narcology and Psychotherapy with the Course of Continuing Medical Education
Volgograd State Medical University
of the Ministry of Health of Russia*

The article analyzes the problem of the importance of taking into account the clinical condition of patients with mental disorders in making legal decisions. Emphasizes the need of the participation of psychiatrist in court proceedings when resolving disputes that arise when working with patients.

Key words: mental illness, legal regulation of psychiatric care, outpatient psychiatric care.

Современные изменения законодательства в сфере здравоохранения иногда приводят к возник-

новению пробелов и противоречий в подзаконных актах, до сих пор остаются не до конца ясными не-

которые аспекты практической реализации отдельных положений законов, регулирующих оказание медицинской помощи [1, 2, 3, 8, 9, 10].

От состояния законности в сфере обеспечения и защиты прав граждан, страдающих психическими расстройствами, добросовестности исполнения своих обязанностей должностными лицами учреждений и организаций, участвующих в оказании помощи лицам с психическими расстройствами, во многом зависит благополучие не только самих больных, но и общества в целом. Отсутствие должного контроля за состоянием больных может привести к совершению гражданами с психическими заболеваниями общественно опасных и иных действий, нарушающих права и законные интересы окружающих, а способствуют проявлению данных проблем накопившиеся в результате последних изменений законодательства разногласия в подзаконных актах, регулирующих оказание психиатрической помощи [1].

Должностные лица, участвующие в оказании помощи больным с психическими расстройствами, не имея специальных медицинских знаний и опыта распознавания психических нарушений, а также наблюдений их последствий, зачастую буквально трактуют сообщаемую больным информацию, без учета клиники и динамики заболевания, и нередко считают сообщаемые пациентом бредовые переживания поводом для правового реагирования. Соблюдение юридических норм не должно вредить клиническому состоянию пациента, а текущее клиническое состояние всегда должно учитываться при работе с лицами, имеющими психические расстройства [5, 6].

С целью изучения причин и классификации конфликтных ситуаций, возникающих в работе врача-психиатра, в связи с недостатками нормативной и клинической регуляции работы психиатрической службы с помощью метода кейс-стади были проанализированы 150 медицинских амбулаторных карт больных, получающих специализированную психиатрическую помощь в Волгоградском областном клиническом психоневрологическом диспансере (ГБУЗ ВОКПНД). Для иллюстрации проблемы комплиментарности правовых и клинических регуляторов работы психиатрической службы хотелось бы обсудить следующий клинический случай.

Больная С., 29 лет, впервые обратилась в ПНД (психоневрологический диспансер) в возрасте 22 лет по направлению участкового врача-терапевта поликлиники с диагнозом «неврастения». На прием пришла самостоятельно, была консультирована врачом-психотерапевтом в соответствии со ст. 4 Закона РФ № 3185-1 от 02.07.1992 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее — Закон) в добровольном порядке [4]. Предъявляла жалобы на нарушения сна, раздражительность. Из анамнеза сообщила, что в семье никто психическими расстройствами не страдал. Беременность и роды у матери протекали без особенностей. Пациентка развивалась в соответствии с возрастом. Окончила спортивную школу, занималась боевыми искусствами. Поступила в

университет на экономический факультет, но учебу не завершила. Работала продавцом. Наличие сопутствующих заболеваний или вредных привычек отрицала. Была направлена на дополнительное обследование, на которое не явилась.

Повторно самостоятельно С. обратилась в ПНД через год, сообщила, что отмечаются нарушения сна, сниженное настроение, в течение последнего года периодически чувствовала за собой «слежку», считала, что кто-то хочет ее убить, из-за чего не выходила из дома, казалось, что прослушивают телефон. Больной был выставлен диагноз «параноидная шизофрения». От амбулаторного и стационарного лечения пациентка отказалась, на момент осмотра оснований для применения ст. 29 Закона для недобровольной госпитализации выявлено не было [4]. В диспансер неоднократно поступали запросы из районного отдела Следственного комитета при прокуратуре РФ в связи с проведением процессуальной проверки по факту получения С. телесных повреждений, запрашивалась информация, не состоит ли на учете гражданка С.

Еще через три года С. обратилась в ПНД с целью прохождения медицинского осмотра при трудоустройстве охранником в частное охранное предприятие (ЧОП). На момент осмотра пациентка была полностью ориентирована, вычурно одета и причесана, взгляд напряженный, эмоционально однообразна, многоречива. Мышление паралогичное, разноплановое, резонерское. Жалоб не предъявляла, все сообщенные ранее сведения о психических расстройствах отрицала, поведением не обнаруживала, заявляла, что оговорила себя: «...у меня не было никогда галлюцинаций... на меня завели уголовное дело, я боялась, что посадят, хотела купить справку, что я психбольная». Психологическое обследование не было проведено в полном объеме из-за отказа от него обследуемой. В заключении психолога отмечено: «...пациентка эмоционально однообразна, не критична, внешне неопытна, ответы на вопросы уклончивые, отмечается амбивалентность, насторожена. Создается впечатление, что больная загружена болезненными переживаниями, склонна к бредовым толкованиям задаваемых вопросов. Отмечаются изменения личности и мышления по шизоидному типу с выраженной некритичностью и трудностями трудовой и социальной адаптации». В соответствии с перечнем заболеваний, препятствующих исполнению обязанностей частного охранника, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2007 г. № 300 для С. были выявлены противопоказания для исполнения обязанностей частного охранника [7].

Позже в адрес ПНД поступило письмо из отдела полиции за подписью участкового уполномоченного полиции Б. с просьбой принять меры медицинского характера к С. с приложением копий заявлений жителей дома, в котором она проживала. По сведениям, полученным от соседей, больная вела себя неадекватно, проявляла агрессию в адрес окружающих, угрожала открыть газ, взорвать дом. Выбегала на улицу

с ножом, заявляла, что сосед (сотрудник полиции) «преследует» ее, многократно звонила ему на домашний телефон, бранилась, оскорбляла его и его жену, писала на него многочисленные нелепые жалобы в различные инстанции. Убедена, что из-за ее жалоб ей хочет отомстить жена соседа, поэтому С. угрожала ей расправой, поджогом машины, нанесением вреда ее ребенку.

Полученная информация давала достаточные основания предполагать обострение тяжелого хронического психического расстройства, обуславливающего непосредственную опасность С. для окружающих.

Пациентка была осмотрена участковым врачом-психиатром, госпитализирована в стационар ввиду наличия основания для недобровольной госпитализации в соответствии со ст. 29 Закона. Решением суда госпитализация была признана обоснованной.

После выписки из стационара больная в ПНД не обращалась, поддерживающую терапию не принимала. Через несколько месяцев состояние пациентки вновь ухудшилось: расклеивала на улице листовки непристойного содержания, касающиеся соседей, вызывала им психиатрическую карету скорой помощи. Обвиняла участкового полицейского в изнасиловании, стремлении отобрать у нее квартиру. Утверждала, что участковый уполномоченный полицейский избил ее, забрал деньги, «заплатил всем, чтобы в больницу отправить, квартиру отобрать», что «его сожительница ревнует, угрожает». В адрес ПНД поступило коллективное письменное обращение соседей с изложением данных сведений. С. была госпитализирована в недобровольном порядке в психиатрическую больницу, в надлежащие сроки состоялось выездное заседание суда, признавшее госпитализацию обоснованной. В первое время пребывания в стационаре пациентка была неряшлива, возбуждена, многоречива, сообщала о себе противоречивые и недостоверные сведения, оскорбляла, отталкивала медперсонал, замахивалась, бранилась. Отказывалась от осмотра врачей, от приема пищи, не соглашалась купаться, пыталась затянуть завязки халата вокруг шеи, душить себя руками.

На фоне лечения отмечалась положительная динамика: нормализовался сон, купировалась аффективная возбудимость, в поведении стала формально упорядоченной, бредовые переживания дезактуализировались. Пациентка сообщала, что в больнице ее состояние улучшилось: «...успокоилась, стала лучше ладить с людьми». Находилась на лечении два месяца.

После выписки С. подала апелляционную жалобу на решение суда, которым было удовлетворено заявление главного врача стационара о недобровольной госпитализации. В апелляционной жалобе С. просила отменить решение суда, постановить по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований о недобровольной госпитализации, ссылаясь на нарушение норм материального и процессуального права. Проверив материалы дела, судебная коллегия

пришла к выводу, что не может согласиться с выводом суда первой инстанции о том, что С. нуждалась в стационарном психиатрическом лечении, исходя из того, что она страдает тяжелым психическим заболеванием, и будет нанесен существенный вред ее здоровью, если С. будет оставлена без психиатрической помощи. В апелляционном определении судебной коллегии областного суда написано, что суд первой инстанции не принял во внимание обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения спора: «В соответствии с требованиями ст. 29 Закона для недобровольной госпитализации гражданина в психиатрический стационар необходима совокупность трех обязательных условий (оснований): наличие у лица тяжелого психического расстройства; возможность обследования или лечения данного лица только в условиях стационара; его непосредственная опасность для себя и окружающих, или его беспомощность, т. е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или возможность причинения данным лицом существенного вреда его здоровью, вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи. По смыслу вышеприведенной нормы материального права, недобровольная госпитализация гражданина в психиатрический стационар возможна лишь при наличии вышеуказанных условий в их совокупности, отсутствие одного из них не дает возможности помещения лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке». В ходе судебного разбирательства суд апелляционной инстанции не нашел достоверного подтверждения совокупности условий, необходимых для недобровольной госпитализации С., «т. к. поводом для недобровольной госпитализации С. послужили ее приятельские отношения с сожительницей участкового Б., однако факты агрессивного поведения С. в отношении окружающих не нашли своего подтверждения. Наоборот, из пояснений С. видно, что последняя проживает совместно с матерью, осуществляя за ней уход, подрабатывает продавцом на рынке, самостоятельно удовлетворяет свои основные жизненные потребности, адекватно совершает мелкие бытовые сделки, приобретает продукты питания. Допустимых доказательств, подтверждающих конкретные факты неадекватного, представляющего опасность для окружающих поведения С., материалы дела не содержат. Поступки С. обусловлены не столько ее заболеванием, сколько иными (немедицинскими) причинами». В результате судебная коллегия пришла к выводу о том, что С. способна самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, со стороны С. отсутствует непосредственная опасность для окружающих и для самой себя и оснований для недобровольной госпитализации С. в психиатрический стационар не имелось. Решение суда первой инстанции было отменено и вынесено по делу новое решение: отказать главному врачу стационара в удовлетворении заявления о недобровольной госпитализации.

На апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам областного суда главным врачом стационара в Президиум областного суда была направлена кассационная жалоба, в которой указывалось на допущение ошибки в толковании и применении норм материального права ст. 29 Закона. Судебная коллегия не согласилась с тем, что суд первой инстанции принял решение о госпитализации С., основываясь лишь только на положениях п. «в» ст. 29 Закона. Судебная коллегия трактовала норму права данной статьи как необходимую совокупность трех обязательных условий (оснований): «...наличие у лица тяжелого психического расстройства; возможность обследования или лечения только в условиях стационара; его непосредственная опасность для себя и окружающих или его беспомощность». Далее определяет, что по смыслу вышеприведенной нормы материального права (ст. 29) недобровольная госпитализация гражданина в психиатрический стационар возможна лишь при наличии вышеуказанных условий в их совокупности, и утверждает, что отсутствие одного из них не дает возможности помещения лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Однако в законе указано прямо: а) непосредственную опасность для себя или окружающих, **или** б) беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, **или** в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи. Слово «или» дает однозначное понимание о необходимости наступления одного из трех условий, а не всех сразу. Судом первой инстанции, согласно заявлению главного врача, рассматривался и был применен только п. «в» Закона. Наличие остальных обстоятельств, предусмотренных пунктами а) и б), судом не рассматривалось. В то же время судебная коллегия согласилась с выводами суда первой инстанции о том, что С. страдает тяжелым психическим заболеванием и не оспаривает медицинское заключение врачебной комиссии, содержащее выводы о том, что у нее имеются признаки психического расстройства и то, что ее здоровью будет нанесен существенный вред, если она будет оставлена без психиатрической помощи. Также не был принят во внимание тот факт, что С. в диспансере по собственному согласию не лечится, кроме того, всячески уклоняется от лечения и то, что, с ее слов, после лечения в стационаре самочувствие ее улучшается, следовательно, лечение должно было проводиться именно в стационаре. Не учтено наличие в амбулаторной карте пациентки большого количества запросов из районного отдела Следственного комитета при прокуратуре РФ в связи с проведением процессуальной проверки по факту получения С. телесных повреждений, которые однажды могут стать опасными для жизни и здоровья самой пациентки.

Так как, согласно заявлению главного врача, судом первой инстанции рассматривался и был применен только п. «в» Закона и не были указаны

два других обязательных условия (основания): наличие у лица тяжелого психического расстройства; возможность обследования или лечения только в условиях стационара (хотя их наличие очевидно и не оспаривалось судом), с точки зрения правоприменения апелляционная комиссия вынесла юридически обоснованное решение, но при этом не учитывались социальная составляющая, возможность совершения общественно опасных поступков больной. Высказываемые больной персонифицированные бредовые идеи отношения судом оценивались как доказательства «немедицинских причин» поступков С., и не оценивались аффективная заряженность болезненных переживаний и реальная опасность агрессивных действий со стороны больной. Обращает на себя внимание отсутствие участия специалиста психиатра при рассмотрении данного дела.

Удовлетворение судом апелляционной жалобы пациентки С. дало новый толчок бредаобразованию, так как больная получила, по ее мнению, доказательства «сговора» соседей, врачей, сотрудников полиции и районного суда. Следующим шагом больной явилась подача искового заявления в суд о привлечении участкового врача-психиатра к дисциплинарной и административной ответственности за превышение должностных полномочий. Хотя если бы апелляционный состав судей был бы более внимателен к рассмотрению документов и доводов суда первой инстанции по данному случаю, то можно было бы избежать эскалации конфликта врача и пациента.

Общая тенденция гуманизации отношения общества к лицам с психическими расстройствами и жесткая правовая регламентация работы всех социальных структур, участвующих в оказании помощи лицам с психическими заболеваниями, необходимы для защиты прав и законных интересов граждан при оказании психиатрической помощи от необоснованного вмешательства в их жизнь, а также для защиты лиц с психическими расстройствами от необоснованной дискриминации в обществе на основе наличия психиатрического диагноза или фактов обращения за психиатрической помощью. Но иногда это происходит за счет других задач, таких как защита общества от возможных опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами. Следовательно, мы считаем, что необходим пересмотр алгоритмов правовых и клинических регуляторов работы с лицами, страдающими психическими расстройствами. Во-первых, врачебным комиссиям необходимо тщательнее оформлять документацию. Показания к недобровольным мерам в Законе достаточно четко прописаны: «непосредственная опасность для себя и окружающих», «беспомощность», «существенный вред здоровью при оставлении без психиатрической помощи», но при оформлении документов врачи иногда «забывают», что оговоренные показания для недобровольных мер распространяются только на лиц «с тяжелым психическим расстройством». Это понятие в Законе не разъясняется, необходимо четкое определение столь ключевого понятия. По сути, тяжелое психическое расстрой-

ство должно трактоваться как расстройство психического уровня (т. е. когда имеются неадекватное восприятие или осмысление окружающей действительности, невозможность отдавать отчет своим действиям или руководить ими в силу психического заболевания или слабоумия). Во-вторых, при решении в суде спорных вопросов, возникающих в практике оказания помощи больным с психическими заболеваниями в качестве эксперта необходимо привлечение специалиста психиатра и представителя этического комитета. А возможность участия врача-психиатра в судебном заседании в качестве эксперта с последующим в случае необходимости назначением судебно-психиатрической экспертизы позволит суду получить заключение о процессуальной дееспособности больного и с этой позиции оценивать сведения, полученные от пациента.

Литература

1. Аргунова Ю.Н. Права граждан при оказании психиатрической помощи (Вопросы и ответы). М.: Грифон, 2014. 640 с.
2. Бударин Г.Ю., Петров А.В., Седова Н.Н. Медицинские нормы и юридические законы. М.: Издат. группа «Юрист», 2012. 324 с.
3. Бударин Г.Ю., Шкарин В.В. Современные тенденции развития законодательства в области здравоохранения // Социальное и пенсионное право. 2012. № 4. С. 5–8.
4. Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992 г. № 33. Ст. 1913. СПС «КонсультантПлюс».
5. Медицинское право: учеб. комплекс для вузов / сост. Ю.Д. Сергеев. М., 2008. 784 с.
6. Оруджев Н.Я., Поплавская О.В., Соколова А.Г. К вопросу о совершенствовании правовых регуляторов работы с недееспособными больными // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2014. № 3 (43). С. 3–4.
7. Поплавская О.В., Поплавский А.Э. Этико-правовые аспекты взаимодействия психиатрической и судебно-медицинской служб // Биоэтика. 2013. № 1 (11). С. 57–60.
8. Порядок оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения, утвержденный Приказом Минздравсоцразвития России от 17.05.2012 № 566н // Рос. газ. 2012. 25 июля.
9. Постановление Правительства РФ от 19.05.2007 № 300 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих исполнению обязанностей частного охранника» // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2636.
10. Психиатрия. Национальное руководство. Краткое издание / под ред. Т.Б. Дмитриевой, В.Н. Краснова, Н.Г. Незнанова, В.Я. Семке, А.С. Титанова; отв. ред. Ю.А. Александровский. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012.
11. Седова Н.Н., Кузнецов А.В. Права пациентов в России — кто их защищает? // Социальное и пенсионное право. 2009. № 4. С. 24–28.
12. Сергеев Ю.Д., Сокол А.Ф., Шурупова Р.В. Врач и пациент: этические и правовые аспекты взаимоотношений // Медицинское право. 2016. № 1. С. 3–6.
13. Хасанов Ф.З. Нормативно-правовое обеспечение и основные направления государственной политики в сфере здравоохранения // Медицинское право. 2015. № 6. С. 8–12.
14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».

ТЕСТ ПРЕКРИМИНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Зембатов Марат Русланович,

ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института
Министерства финансов Российской Федерации,
кандидат экономических наук
mzembatov@gmail.com

В работе рассмотрена проективная методика психодиагностического определения прекриминальной толерантности студентов-юристов. На основе практического опыта применения теста прекриминальной толерантности сделаны выводы о прогностической ценности для определения предпочтительной профессиональной ориентации дальнейшей разработки методов психодиагностического изучения студентов-юристов.

Ключевые слова: психодиагностика, юридическое образование, студенты-юристы, прекриминальная толерантность.

PRECRIMINAL TOLERANCE TEST

Zembatov Marat R.,

Leading Research Scientist Financial Research Institute
of the Ministry of Finance of the Russian Federation,
PhD in Economics

The article provides the new projective measure intended to evaluate a law-students' patterns of precriminal tolerance. The method called The Precriminal Tolerance Testing is designed to identify habitual patterns and emotional responses onto the pictures describing some kinds of criminal and precriminal activities.

Key words: psychological testing, law education, law-students, precriminal tolerance.

Традиционно практическими достижениями психологической науки уже давно и результативно пользуются в различных правоохранительных органах. Высокорисковые профессии, связанные с опасностью психологической деформации тем больше, чем более высока нагрузка на их представителей, являются объектом пристального внимания профессиональных психологов, глубоко разбирающихся в особенностях профессиональной группы, психологическим обеспечением которой они заняты. В рамках такого понимания становится очевидной необходимость использования достижений юридической психологии в психологическом отборе и психологическом обеспечении юридических кадров. Но сегодня есть все основания говорить о том, что созданы предпосылки для допрофессиональной деформации или для высокой степени готовности подвергаться такой профессиональной деформации, которая потребует не многолетнего участия в психодеформирующих практиках, а может проявляться уже при вхождении в профессию.

Проблемы психологической деформации личности должны быть объектом профилактической работы психологов в среде будущих юристов. Так, в системе ведомственного образования в органах внутренних дел необходимость исследования психологического профиля обучающихся является давно осознанной: «Важнейшим аспектом профессиональной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов выступает их становление не только как профессионалов,.. но и как личностей с особыми нравственно-волевыми, гражданскими качествами. В связи с чем период обучения следует рассматривать

как важнейший этап... — комплекс преобразующих воздействий, приводящих к осознанию обучающимися социальной значимости профессии и профессиональной идентичности» [1].

Признание необходимости совершенствования юридического образования, оптимизации количества выпускаемых вузами юристов, повышения их правосознания находит отражение и в нормативной базе, регламентирующей правоотношения в области подготовки юридических кадров. Так, два распоряжения и Указ Президента России в период 2009—2010 гг. были призваны привести систему юридического образования в России на качественно новый уровень [2]. Практическим средством повышения качества юридического образования и юридических кадров может стать применение методик психодиагностического тестирования учащихся-юристов.

Метод исследования

В рамках настоящей работы предлагается описание нового инструмента психодиагностики, предназначенного для ликвидации пробела в практике психологического обеспечения профессиональной подготовки юриста — тест прекриминальной толерантности. Предложенный тест является комплексной проективной методикой и нацелен на выявление предпосылок ранней профессиональной деформации личности, обусловленной как акцентуациями личности, так и превратно воспринятыми характерными особенностями референтной группы. Проективный тестовый материал представлен 17 пронумерованными от 1 до 18 (с пропуском № 11) карточками с монохромными изображениями, призванными на

примере значимых с точки зрения межличностных отношений ситуаций вызвать у испытуемого эмоционально окрашенную вербальную реакцию.

Графический материал представлен динамичными изображениями ситуаций делинквентного поведения, выполненными в упрощенной манере карандашного рисунка с элементами шаржевого стиля. Такое стилистическое изображение, отличающее его от традиционного подхода к изображению проективного материала (например, от стандартного тематического апперцептивного теста или теста Сонди), помогает преодолеть психологическую напряженность и снизить интенсивность эгозащитных реакций испытуемых.

Инструкция перед началом тестирования включает в себя указания: дать название из одного слова ситуации, изображенной на карточке; определить, требует ли изображенная на карточке ситуация вмешательства закона (если ответ испытуемого «да, требует», он выставляет напротив номера карточки символ «+» если ответ «нет, не требует», выставляется символ «-», если испытуемый не знает ответа, испытывает сомнения, выставляется символ «0»).

Краткое описание каждой из 17 карточек приведено ниже.

№ 1. Изображен молодой человек, преодолевающий без соответствующей оплаты турникет в метро.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена законодательством об административных правонарушениях. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 2. Изображены двое мужчин, распивающих алкогольные напитки в общественном месте.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена законодательством об административных правонарушениях. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 3. Изображена карманная кража в общественном транспорте.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 4. Изображено приставание мужчин, распивающих спиртные напитки, к девушке, осуществляемое в оскорбительной форме и образующее, таким образом, административный состав мелкого хулиганства.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена

законодательством об административных правонарушениях. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 5. Изображены двое мужчин, один из которых наносит другому ударом кулаком по лицу.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое может быть предусмотрена административным либо уголовным законодательством. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 6. Изображена ситуация получения незаконного вознаграждения должностным лицом.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 7. Изображена учебная аудитория, педагог и учащиеся в процессе написания письменной контрольной работы, при этом один из учащихся занят списыванием.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое действующим законодательством не предусмотрена. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

№ 8. Изображена автобусная остановка с пассажирами разных возрастных категорий, при этом один из них в грубой форме нарушает общественный порядок.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена законодательством об административных правонарушениях. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 9. Изображены двое мужчин в форменной одежде, избивающих третьего, явно находящегося в беспомощном состоянии.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 10. Изображена стоящая на коленях женщины, подсматривающая в замочную скважину.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое действующим законодательством не предусмотрена. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства

закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

№ 11. Карточка отсутствует.

№ 12. Изображен мужчина в маске, который в темное время суток несет мешок и большую сумку (чемодан) на фоне дома с раскрытой дверью.

Ситуация в графической форме описывает кражу — деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 13. Изображена бытовая ситуация, в которой проезжающая мимо тротуара машина неосторожно обливает прохожих водой из лужи.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое действующим законодательством не предусмотрена. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

№ 14. Изображена сцена бытового насилия, осуществляемого, очевидно, супругой, в отношении своего супруга, находящегося в состоянии алкогольного опьянения и поздно вернувшегося домой.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое действующим законодательством не предусмотрена. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

№ 15. Изображены двое подростков, угрожающих игрушкам малолетнего ребенка.

Ситуация в графической форме описывает деяние, ответственность за которое действующим законодательством не предусмотрена. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

№ 16. Изображена семья, состоящая из двух родителей и одного несовершеннолетнего, передающих букет цветов и пакет врачу.

Ситуация в графической форме описывает действия, ответственность за которые действующим законодательством не предусмотрена. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

№ 17. Изображен мужчина, целящийся при помощи снайперского прицела, установленного на винтовке, в свою жертву — другого мужчину, находящегося рядом с автомобилем.

Ситуация в графической форме описывает покушение на убийство — деяние, ответственность за ко-

торое предусмотрена уголовным законодательством. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть положительным.

№ 18. Изображен бегущий мужчина на фоне уходящего от платформы вокзала поезда и часов.

Ситуация в графической форме описывает бытовую ситуацию. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости вмешательства закона в изображенную ситуацию должен быть отрицательным.

Обсуждение результатов

Интерпретация полученных результатов так же, как и сам стимульный материал, отличается простотой. Следует отметить, что именно простота изображений, некоторая карикатурность графического стиля карандашного наброска позволяют снять напряжение, свойственное психодиагностическому обследованию, за счет «естественности, близости к обычным видам человеческой деятельности» [3].

Интерпретация осуществляется по двум направлениям: во-первых, в целях определения прекриминальной толерантности испытуемого оцениваются ответы на вопросы о необходимости вмешательства закона в изображенные ситуации (количество положительных, отрицательных и нейтральных ответов), а, во-вторых, в целях определения перцептивных, эмоциональных и интеллектуальных особенностей психопрофиля испытуемого учитываются данные им наименования.

В первом случае речь идет о количественной оценке. Так, максимальным значением положительных, как и отрицательных результатов («+» или «-») может быть 17. Очевидно, что такой результат является свидетельством отклонения от нормы, при котором или каждая из предъявленных ситуаций представляется испытуемому требующей вмешательства закона (нулевая прекриминальная толерантность), или, наоборот, испытуемый считает все предъявленные стимулы не заслуживающими вмешательства закона (патологическая прекриминальная толерантность).

Матрица желательных ответов, характеризующих отсутствие признаков нарушения в уровне развития личности испытуемого, а также отсутствие признаков отклонения прекриминальной толерантности в ту или иную сторону, описывается формулой: $10 \text{ «+»} / 7 \text{ «-»}$ и представлена в таблице 1.

Таблица 1. Матрица желательных ответов теста прекриминальной толерантности

1	2	3	4	5	6	7	8	9
+	+	+	+	+	+	-	+	+
10	11	12	13	14	15	16	17	18
-		+	-	-	-	-	+	-

Практическое применение теста прекриминальной толерантности осуществлялось на добровольной, анонимной основе с участием 73 студен-

тов-юристов. При экспериментальном применении теста прекриминальной толерантности на 73 испытуемых были получены следующие количественные результаты (табл. 2).

Таблица 2. Результаты экспериментального применения теста прекриминальной толерантности

Кол-во ответов	«+»	Кол-во ответов	«-»	Кол-во ответов	«0»
23	>10	7	>7	10	>3
25	10	13	7	24	0
25	<10	53	<7	39	>0

Для испытуемых, чей результат по шкале положительных ответов («+») значительно превысил среднее ожидаемое значение, равное 10 (значения «12» — 7 испытуемых, «13» — 2 испытуемых и «14» и «15» — по одному испытуемому), вероятно, свойственна склонность к более «обвинительному уклону» в оценке потенциально конфликтной ситуации. В отношении таких испытуемых уместно использовать понятие минимальной прекриминальной толерантности.

Более тревожным симптомом является наличие некоторого числа испытуемых с завышенной прекриминальной толерантностью. Так, значение «6» по шкале положительных ответов дали двое испытуемых, «7» — 3, а по шкале отрицательных ответов результаты «10» и «9» — по одному испытуемому.

Большое количество ответов, отличающихся от нуля по шкале неуверенности (нейтральные ответы «0»), свидетельствует о наличии сомнений в своей правоте. Так, значение «7» для ответов «не знаю» («0») (!) наблюдалось у одного испытуемого, «6» — у двоих, значение «5» — у троих.

Иллюстративным критерием оценки уровня интеллектуального развития испытуемых служит также их способность формулировать названия для карточек, предъявляемых им в ходе теста. Так, в большинстве случаев при выборе названия испытуемые останавливались на отглагольных существительных («распитие», «нарушение») либо на юридически значимых терминах — обозначениях конкретных составов правонарушений и преступлений («убийство», «кража»).

Отдельно следует отметить способы наименования карточек, которые указывают на большую степень эмоциональной вовлеченности (вычурности, возможно, компенсаторно обусловленной личным опытом). Так, в одном случае карточка № 18 получила наименование «опять от меня сбежала последняя электричка», № 8 «недобежал» (sic!), № 14 «встретили мужа пьянно» (sic!), № 18 «лох».

Некоторая примитивность мышления проявлялась в неспособности сформулировать название карточек (один испытуемый полностью пренебрег второй частью задания и названий карточкам не дал). Более часто встречались: использование неопределенных форм глаголов в названиях, многословные описательные названия, неспособность определить субъект действия и его объект (например, «драка

бомжа» для карточки № 9). В некоторых случаях наблюдалась неадекватность формулировок, которая проявлялась в отсутствии логически оправданной связи графического изображения с предлагаемым испытуемым названием («компания» для карточки № 4, «цыгане» для карточки № 12) или стремлении к необоснованному использованию формализованной профессиональной лексики (цитирование конкретных статей кодификаций правоохранительной направленности — УК РФ, КоАП РФ, например «ст. 20.2» для карточки № 2 или сленга — «щипач» для карточки № 3, «медвежатник» для карточки № 12).

Некоторая ригидность мышления в сочетании с неспособностью понять инструкцию проявилась у одного испытуемого в использовании для всех карточек только трех видов наименований («правонарушение», «уголовное правонарушение», «жизнь»).

Отдельно следует отметить случаи эгозащитных реакций, проявившихся в эффектах показного равнодушия или нормализации, в случае, когда стимульный материал затрагивает сферу личного психотравмирующего опыта. Так, для карточки № 14 встречались ответы «быт», «дом», «жизнь».

Наиболее часто встречавшиеся ответы представлены в таблице 3.

Таблица 3. Наиболее часто встречающиеся наименования карточек

№	Названия, предложенные испытуемыми
1	Хамство, хулиганство, безбилетник, заяц
2	Алкоголизм, алкоголики, распитие
3	Воровство, кража, карманник
4	Хулиганство, приставание
5	Драка, удар, насилие
6	Взятка, коррупция, взяточник
7	Списывание, жульничество
8	Бескультурье, неуважение
9	Превышение, избиение
10	Любопытство, подглядывание
11	—
12	Кража, воровство, хищение
13	Безразличие, хамство, неосторожность
14	Насилие, бытовуха
15	Издевательство, насилие
16	Благодарность
17	Киллер, убийство, покушение
18	Опоздание, невнимательность

Заслуживает отдельного упоминания отношение испытуемых к отсутствию карточки № 11. Так, в наборе тестовых карточек, каждая из которых пронумерована, как уже было отмечено выше, отсутствует карточка с номером 11. При этом следует отметить, что примерно половина испытуемых не заметила отсутствия карточки № 11, примерно еще треть испытуемых замечают, что карточки № 11 в тестовом

наборе нет, но продолжают проходить тест, правильно нумеруя последующие карточки. Другим вариантом реакции на неопределенность, порождаемую отсутствием карточки № 11, является проявление тревожности: испытуемые спрашивают, где карточка, случайно ли ее нет в тестовом наборе, проявляют иные признаки беспокойства. Способ реагирования на возникающую таким образом неопределенность также можно трактовать как один из значимых психодиагностических признаков.

Опыт использования теста прекриминальной толерантности в сочетании с другими проективными методиками (тесты Сонди, Люшера, Розенцвейга, рисуночные техники и т. д.) позволяет предположить, что дальнейшее исследование результатов его применения в составе батареи тестов может привести к получению более информативных результатов.

Выводы

Первые шаги в применении новой проективной психодиагностической методики — теста прекриминальной толерантности — позволяют сделать ряд предварительных выводов.

Активная жизненная позиция, готовность и заинтересованность в прохождении тестового испытания, высокая стрессоустойчивость и развитая наблюдательность характеризуют испытуемых, демонстрирующих результаты, наиболее близкие к нормальным ($10 + / 7 -$). Такие испытуемые обладают развитыми коммуникативными способностями, высокой скоростью перцепции, хорошими адаптивными способностями. Как правило, обладают развитыми интеллектуальными способностями, хорошо формулируют свои мысли, не испытывают затруднений в прохождении теста.

Испытуемые, демонстрирующие значимо отклоняющиеся от нормальных количественные результаты, как правило, выбирают наиболее экзотические наименования для карточек стимульного материала, склонны к примитивной либо, наоборот, к вычурной лексике, допускают грамматические ошибки, испытывают трудности при выборе формулировок, много сомневаются и долго размышляют при выборе ответа на вопрос о необходимости вмешательства закона в описываемую ситуацию.

Отдельно необходимо отметить перспективные особенности интерпретации получаемых результатов. Так, полное отсутствие сомнений в сочетании с ярко выраженным «обвинительным уклоном» ($>12 +$) может служить указанием на присутствие

эпилептоидного радикала в профиле личности. Наличие неоправданно высоких значений по шкале «0» (>3) может указывать на присутствие шизоидного или параноидного радикалов. А выраженная тенденция к завышению отрицательной шкалы ($>10 -$) явно указывает на склонность к нигилистическому поведению, пренебрежению общепринятыми нормами поведения.

Предлагаемая в рамках настоящей статьи психодиагностическая методика может быть применена как в отношении представителей юридического сообщества, так и в отношении студентов юридических факультетов и институтов. При этом применение в отношении студентов-юристов рассматриваемой методики является предпочтительным.

Кроме того, следует отметить и перспективы использования внутреннего потенциала теста прекриминальной толерантности, которые не могут быть раскрыты в рамках одной работы, но требуют длительного и всестороннего анализа применения теста. Так, можно предположить, что диверсификация ответов по положительной шкале может быть использована для более детальной калибровки ответов студентов старших курсов, которые будут способны дифференцировать составы административных правонарушений (представлены на четырех карточках из 17) и уголовно наказуемых деяний (изображены на остальных 6 карточках). Возможности использования частотности наименований карточек и нормального распределения получаемых количественных результатов также представляются перспективными направлениями будущих исследований.

Литература

1. Крыжевская Н.Н. Формирование профессионального правового сознания как условие профилактики профессиональной деформации у курсантов вузов системы МВД // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9. № 1. С. 77–83.
2. Распоряжение Президента РФ от 12 января 2010 г. № 14-рп «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по вопросам повышения качества высшего юридического образования» // URL: http://text.document.kremlin.ru/SESSION/S__WgNe26va/PILOT/main.html; Распоряжение Президента РФ от 5 ноября 2009 г. № 740-рп «О Межведомственной комиссии по вопросам повышения качества высшего юридического образования» // СЗ РФ. 2009. № 45. Ст. 5339; Указ Президента РФ от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Рос. газ. 2009. 29 мая.
3. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: иллюстрированное руководство. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. С. 5.

ОПТИМИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕНЬГАМ У СУПРУГОВ

Некрасова Екатерина Александровна,
преподаватель кафедры психологии Военного университета
kariffa@yandex.ru

В статье рассматриваются возможности оптимизации ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов. Описывается программа консультативно-тренинговой работы с супружескими парами. Рассматриваются этапы и методы работы с супругами, результатом которой является повышение взаимопонимания супругов в теме денег.

Ключевые слова: отношение к деньгам, ценностно-смысловое отношение к деньгам, супружеские пары, супруги, программа оптимизации.

OPTIMIZATION OF SPOUSES' AXIOLOGICAL AND SEMANTIC ATTITUDE TO MONEY

Nekrasova Ekaterina A.,
Lecturer in the Department of Psychology, Military University

The article discusses the possibility of optimization of spousal value-semantic relationship to money. It describes a program of advisory and training work with couples; as well as it examines the steps and techniques of work with spouses with the aim to improve the understanding between them in money issues.

Key words: attitude to money, value-semantic relationship to money, couples, spouses, optimization program.

Супруги в период становления пары вырабатывают общие для них нормы и правила, которые определяют реакции на объекты окружающей действительности и ситуации. Формирование единых представлений возможно за счет обсуждения личных позиций в различных реальных или предполагаемых ситуациях. Однако есть темы, которые затруднены для обсуждения, например тема денег. Сложность и затрудненность общения на тему денег часто вызывают недопонимание у супругов и, как следствие, трудности во взаимодействии супругов с темой денег [3]. Если супруги имели схожие воззрения относительно темы денег, то у них не будет проблем с взаимопониманием и взаимодействием.

Многочисленные исследования доказывают, что на отношение к деньгам влияет множество факторов [4, 5]. Мало какие супружеские пары могут охарактеризовать свои отношения к деньгам как идентичные, чаще можно услышать про отдельные аспекты отношения к деньгам, которые похожи (например, планирование трат, организация бюджета, отношение к накоплениям). Без обсуждения темы денег супруги имеют возможность сравнивать лишь внешние проявления отношения к деньгам (т. е. поведение с деньгами), тогда как помимо поведенческого компонента отношение к деньгам также характеризуется эмоциональным и рациональным аспектами [2, 3].

Введение электронных денег (невозможность сложить все деньги в одно место вынуждает супругов обсуждать тему денег), а также популяризация кредитов (супруги могут тратить больше, чем зарабатывают, обращаясь к заемным средствам) приводят супружеские пары к необходимости говорить о теме денег. Но анализ публикаций в сети Интернет позволяет сделать вывод о том, что обсуждение темы денег является болезненной и сложной процедурой для

супружеских пар с разным отношением к деньгам. Другим моментом, усложняющим коммуникацию супругов про деньги, становится не критичность к собственной позиции относительно денег, так как она является для человека естественно сложившейся и принятие того, что у другого человека может быть иное отношение к деньгам, сложно для каждого в паре [1].

Автором была разработана программа консультативно-тренинговой работы, направленной на оптимизацию ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов. В основу программы были положены идеи о необходимости исследования и осознания личной позиции каждого из супругов, интеграции данных позиций в единое ценностно-смысловое отношение к деньгам пары и тренировке навыков его реализации. Результатом данной работы является повышение взаимопонимания супругов и детерминации ценностно-смыслового отношения к деньгам каждого из супругов, а также повышение эффективности взаимодействия супругов с темой денег.

Программа состоит из двух разделов.

Первый раздел посвящен изучению личной позиции к деньгам каждого из супругов. В данном разделе предполагается проводить работу в течение четырех встреч.

На первой встрече осуществляется знакомство с парой, изучаются проблемы во взаимодействии супругов. Из этих проблем выделяют те, которые могут быть связаны с деньгами. А также формулируется образ желаемого взаимодействия супругов. Проводится диагностика с помощью батареи методик. Цель работы — формулировка проблемы с темой денег в паре и обозначение идеала как желаемого результата.

На второй встрече работа осуществляется с эмоциями супругов, связанными с темой денег. Вы-

являются ассоциативные связи с деньгами у каждого из супругов. Целью является изучение особенностей образа денег у партнеров. В ходе встречи применяется не только метод беседы, но и метод арттерапии.

Третья встреча предполагает углубленное изучение отношения к деньгам в родительских семьях супругов. Основным направлением работы является составление подробной генограммы, расширенной семьи каждого из супругов с поиском возможных факторов, влияющих на формирование отношения к деньгам. Цель — выявление установок и образа денег и должного поведения и восприятия их, привнесенных супругами из родительских семей.

Четвертая встреча посвящена личной истории каждого из супругов, связанной с темой денег. В ходе встречи выявляются связи между жизненными событиями и их влиянием на формирование отношения к деньгам. При осуществлении работы на данном этапе психолог основывается на методике «Линия жизни» (супруг Кроник). Целью работы становится выявление смыслов, которые приписываются деньгам, через изучение жизненных событий.

Так как в ходе всех встреч работа осуществляется с двумя супругами одновременно, в супружеской паре повышается понимание индивидуальных смыслов, приписываемых деньгам. Раскрываются жизненные события, люди, эмоциональные переживания, влияющие на формирование отношения к деньгам. Как следствие, становятся понятными поведение и переживания, связанные с деньгами у партнеров в настоящем. По завершении первого раздела у супругов снимаются барьеры, мешающие обсуждать вопросы, касающиеся темы денег.

Второй раздел посвящен выработке новых навыков взаимодействия супругов с темой денег.

За пятую встречу супруги вспоминают и фиксируют ситуации супружеской жизни, связанные с темой денег. Производится детальный анализ каждой ситуации. Результатом работы становится «банк ситуаций». Весь получившийся массив делят на три основные группы: ресурсные ситуации (в которых супруги поддерживают друг друга, понимают логику решений, одобряют поведение друг друга), нейтральные ситуации (которые относятся к текущему, бытовому взаимодействию, не вызывающему ни положительных, ни отрицательных переживаний) и сложные (супруги не понимают, не одобряют решений и поступков партнера, отстаивают противоречивые решения и стратегии поведения и отношения к теме денег). Цель этой встречи — конкретизация моментов, в которых проявляются сложности взаимодействия супругов с темой денег.

Шестая встреча основана на изменении привычного видения ситуации взаимодействия с деньгами через обмен ролями супругов и проигрывание роли партнера. Это позволяет выйти из привычной последовательности реакций и попробовать встать на место партнера. Помимо этого, в ходе встречи выявляется влияние ситуаций взаимодействия с темой денег на супружеские отношения в целом.

На седьмой встрече работа направлена на обобщение различных аспектов отношения к деньгам

каждого из супругов. Выделение сильных и слабых сторон во взаимодействии с деньгами. Цель работы — в создании реальной картины особенностей ценностно-смыслового отношения к деньгам супругов для последующей интеграции в единое понимание отношения к деньгам пары.

Восьмая встреча продолжает тему интеграции позиций супругов к теме денег. Для реализации данной цели вырабатываются возможности компенсации слабых сторон в теме денег. С помощью методов арттерапии создается образ «Тема денег в нашей семье», что позволяет визуализировать обобщенный результат работы.

Девятая встреча проводится для отработки навыков использования сильных сторон в отношении к теме денег в паре и выработки привычки использовать компенсаторные механизмы. Тренировка осуществляется через обсуждение кейсов и ситуаций, описанных самими супругами. Результатом встречи является опыт бесконфликтного взаимодействия супругов о теме денег с использованием сильных сторон и компенсаторных механизмов.

Десятая, завершающая встреча строится на подведении итогов работы. Проводится психологическая диагностика. Формулируются основные достижения пары за время работы. Обсуждаются дальнейшие пути оптимизации взаимодействия с темой денег.

Результатом второго раздела программы является сформированный навык бесконфликтного, эффективного взаимодействия супругов с темой денег.

Между встречами супругам даются домашние задания, направленные на подготовку к последующей встрече либо усиление результатов текущей.

Для апробации разработанной программы оптимизации ценностно-смыслового отношения к деньгам было проведено формирующее исследование. В качестве экспериментальной группы выступили 18 пар, обратившихся за помощью по проблеме отношения к деньгам. Контрольной группой выступили пары, которые обратились за помощью, но прошли программу на три месяца позже экспериментальной.

Различия в итоговых результатах замеров первой и второй групп свидетельствовали о разнице между естественным развитием ценностно-смыслового отношения к деньгам в супружеских парах.

Общая схема эксперимента имеет следующий вид:

экспериментальная группа (ЭГ)	$O_1 X O_2$
контрольная группа (КГ)	$O_3 O_4$

где O_1, O_3 — характеристики ценностно-смыслового отношения к деньгам в парах в момент 1 замера;

O_2, O_4 — характеристики ценностно-смыслового отношения к деньгам в парах в момент 2 замера;

X — воздействие с помощью независимой переменной.

Анализ результатов исследования ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов экспериментальной и контрольной групп, полученных после проведения формирующего эксперимента, позволил судить о высокой эффективности разработанной программы.

Таблица 1. Изменение средних значений выраженности эмоционального и рационального факторов ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов в ЭГ и КГ по результатам формирующего эксперимента

	До воздействия		После воздействия	
	эмоциональный фактор	рациональный фактор	эмоциональный фактор	рациональный фактор
ЭГ	0,32	0,25	-0,61	0,74
КГ	-0,14	0,38	0,11	0,39

При этом проверка на достоверность различий значений по каждой из составляющих ценностно-смыслового отношения к деньгам в ЭГ и КГ по критерию t-критерий Стьюдента показала значимость различий ($p \leq 0,05$) и по эмоциональному, и по рациональному фактору в ЭГ. Это свидетельствует о том, что апробированная программа оптимизации ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов оказывает значимое влияние на отношение к деньгам.

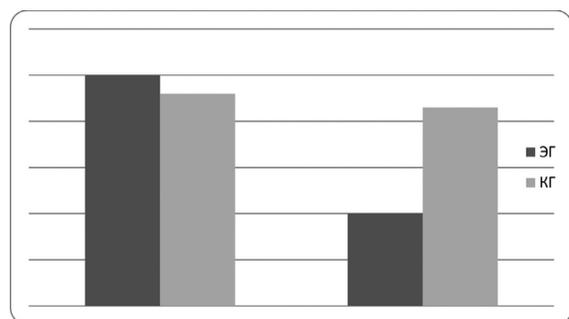

Рис. 1. Сравнение средних у ЭГ и КГ по шкале «Расхождение в отношении денег»

Для выявления успешности реализации задач по повышению качества взаимодействия супругов в ситуациях, связанных с темой денег, была проанализирована шкала «Расхождение в отношении денег» по методике «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Е.Ю. Алешина) (рис.1).

Таким образом, проведенное исследование показало, что программа по оптимизации ценностно-смыслового отношения к деньгам у супружеских пар позволяет повысить взаимопонимание партнеров, снизить конфликтность в ситуациях, связанных с темой денег, через снижение эмоциональной нагруженности и прояснение смыслов, приписываемых деньгам каждым из партнеров, тренировку взаимодействия пары в ситуациях с деньгами. Программа может применяться широким кругом психологов для оказания психологической помощи супругам с затруднениями во взаимопонимании и взаимодействии с темой денег.

Литература

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. СПб.: Речь, 2006. С. 424–427.
2. Голубева Е.В. Отношение к деньгам людей с разным уровнем дохода // Омский научный вестник. 2010. № 3 (88). С. 136–139.
3. Некрасова Е.А., Носов А.В. Типы ценностно-смыслового отношения к деньгам в супружеских парах // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2016. № 1. С. 27–31.
4. Семенов М.Ю. Деньги и люди: Психология денег в России: моногр. Киев: Изд-во «Простобук», 2011.
5. Фенько А.Б. Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 34–42.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ЭКОЛОГА

Майорова Елена Ивановна,
главный государственный эксперт
Российского федерального центра судебной экспертизы,
доктор психологических наук, профессор
014130@mail.ru

Расследование и рассмотрение в суде дел об экологических правонарушениях редко обходится без проведения судебно-экологической экспертизы. Деятельность эксперта — основной, целенаправленный и программный процесс преобразования и фиксации информации, содержащейся в объектах окружающей среды, в актуальные для судопроизводства сведения и передача их путем письменно-речевой коммуникации. Взаимодействие экспертов с другими участниками процесса представляет особую нравственно-этическую категорию и влияет на результаты экспертного исследования. К этике поведения эксперта-эколога предъявляются высокие требования.

Ключевые слова: окружающая среда, расследование экологических правонарушений, место происшествия, судебно-экологическая экспертиза, участники процесса, взаимоотношения, экспертная этика.

ON PROFESSIONAL ETHICS OF FORENSIC ENVIRONMENTAL EXPERTS

Mayorova Elena I.,
Chief State Expert
Russian Federal Center of Forensic Expertise,
Doctor of Psychology, Professor

Inquiry and administer justice of ecological delinquencies need judicial ecological expertise investigation. Expert activity is the main program process for transformation and fixation of information contained in the environmental objects into actual information for administer justice and then to pass it by means of written-speech communication. Interaction of experts with the other process stakeholders is a special moral-ethical category and it influences expert conclusion. Expert ethics must correspond to high requirements.

Key words: environment, inquiry of ecological delinquencies, place of accident, judicial ecological expertise, process stakeholders, interaction, expert ethics.

Психология судебного эксперта в отличие от других разделов юридической психологии не часто выступает в качестве объекта исследования. Вопросы этики взаимодействия эксперта с участниками уголовного, гражданского, арбитражного процессов освещены в юридической литературе в недостаточной степени.

Отдельные исследования [3, 4]¹ посвящались конкретным этическим аспектам экспертной работы, причем рассматривалась экспертная деятельность в целом, без учета особенностей производства экспертиз различных специальностей. Это вполне объяснимо, поскольку подобная деятельность независимо от предмета и объекта исследования, а также вопросов, поставленных на разрешение эксперта, должна отвечать общим этическим требованиям. В то же время нельзя отрицать, что хотя корпоративными для всех экспертных исследований являются целеустановочная и мотивационная функции, заданных целей эксперты разных родов и видов экспертиз добиваются неодинаковыми средствами,

оперируя резко различающимися массивами информации.

В упомянутых работах анализ особенностей экспертной этики осуществлялся исходя из признанного положения, согласно которому деятельность эксперта при производстве экспертизы — это основной, целенаправленный и программный процесс преобразования и фиксации информации, содержащейся в объекте исследования, в актуальные для судопроизводства сведения и передача их путем письменно-речевой коммуникации.

Закон указывает, что экспертиза назначается в случаях, когда при расследовании или судебном разбирательстве дел необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле ст. 78 УПК РФ, 74 ГПК РФ, ст. 66 АПК РФ, ст. 252 КоАП РФ). Основанием для назначения экспертизы является решение лица, производящего расследование, или суда о том, что для выяснения существенных обстоятельств дела необходимо применение специальных познаний.

Экспертиза может быть назначена и по ходатайству заинтересованных в ней участников уголовного процесса или дела об административных нарушениях, по ходатайству сторон при рассмотрении гражданских или арбитражных споров.

¹ Кискина Е.Е. Общие подходы к исследованию деятельности судебного эксперта // Судебная экспертиза. 2009. № 3 (18); Майлис Н.П. Нравственные основы взаимодействия эксперта со следователем // Выявление и предупреждение преступлений криминалистическими средствами и методами. М.: Печатный город, 2004; и др.

Таким образом, автоматически очерчивается круг лиц, в общение с которыми вступает судебный эксперт. Это следователь и/или судья, назначившие экспертизу, защитник, истец и (или) ответчик по гражданским делам, коллеги, руководитель экспертного учреждения.

Ряд ученых, работавших в области криминалистики и судебной экспертизы, — Л.Е. Ароцкер (1968)², В.Д. Арсеньев (1986)³ и др. — в своих трудах уделяли определенное внимание рассмотрению нравственных начал совместного функционирования экспертов, следователей, судей, прокуроров, адвокатов, отмечая, что особенности взаимодействия данных субъектов представляют собой особую нравственно-этическую категорию.

Наиболее разработанным является вопрос взаимоотношений судебного эксперта и следователя по уголовным делам. Профессиональная этика у каждого из них, наряду с общими правилами морали, имеет свои особенности. Однако и следственная, и экспертная этика складываются из совокупности сходных моральных норм и правил поведения, которыми являются принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность, самокритичность.

При расследовании и рассмотрении в суде дел различных категорий о негативном воздействии на окружающую среду назначается судебно-экологическая экспертиза (СЭЭ). Специфика этого рода экспертных исследований накладывает определенный отпечаток на характер взаимодействия участников рассмотрения дел по экологическим правонарушениям. Это во многом связано с отношением к вопросам охраны окружающей среды и природопользования. Положительно, согласно которому посягательство на природу в целом и ее отдельные элементы может рассматриваться как противоправное деяние, многими гражданами воспринимается с трудом. Причем такой «эколого-правовой нигилизм» просматривается и со стороны работников правоохранительных органов. Нередко с высоких трибун высказываются предложения вывести из состава УК РФ главу 26 «Экологические преступления», включающую 18 составов преступных посягательств на природную среду, хотя большинство статей в основном предполагают санкции в виде штрафов. Квалифицированный же состав преступлений обычно предусматривает нанесение существенного вреда компонентам природной среды или здоровью человека. Если первое имеет хоть какую-то нормативную базу, то доказать причинную связь между экологическим преступлением и ухудшением здоровья человека практически невозможно. Несмотря на довольно широкий диапазон экологических правонарушений, уголовные дела возбуждаются едва ли по половине из них, в основном по ст. 246, 250, 254, 256, 258, 260–262. Поэтому практика уголовных наказаний по подобным делам достаточно скудна.

² Ароцкер Л.Е. Об этике судебного эксперта // Криминалистика и судебная экспертиза. 1968. № 5.

³ Арсеньев В.Д. Нравственные качества деятельности судебного эксперта // Методология судебной экспертизы: сб. тр. М.: ВНИИСЭ, 1986.

Статьи 195 и 196 УПК РФ, отмечая общий порядок и случаи обязательного назначения экспертизы, определяют взаимодействие эксперта и следователя. Статья 197 УПК РФ разрешает следователю присутствовать при производстве судебной экспертизы и получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. При благоприятном развитии событий межличностные отношения эксперта и следователя определяются деловыми качествами обоих, а личные симпатии и антипатии в интересах общего дела отступают на второй план.

Однако именно при производстве СЭЭ по уголовным делам нередко возникают конфликтные ситуации. Экология входит в ту сферу знаний, в которой считают себя компетентными все, так же, как в медицине или педагогике. Экологические знания рассматриваются как нечто известное каждому от рождения, присущее имманентно. Большая часть населения не подозревает о неоднозначности многих постулатов экологии, о системной сложности и амбивалентности связей этой синтетической области знаний практически со всеми фундаментальными науками естественного цикла. Пренебрежительное отношении следователя, юриста-гуманитария, к одной из сложнейших наук современности, обусловленное убеждением в собственных знаниях, полученных в общеобразовательных учреждениях, и становится причиной конфликта.

Определенные сложности вызывает общение эксперта-эколога и следователя в процессе выполнения отдельных процессуальных действий. В случае присутствия следователя при производстве СЭЭ⁴ наличие у него бытовых, общераспространенных знаний в области биологии и экологии побуждает давать псевдопрофессиональные советы, навязывать эксперту свое видение ситуации и пр.

Характерен следующий пример из экспертной практики.

В процессе сооружения искусственного земельного объекта из завезенных строительных отходов произошло нарушение береговой линии реки. Уголовное дело было возбуждено по ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ». СЭЭ назначалась для установления степени нарушения почв и определения количества завезенных строительных отходов. При осмотре места происшествия эксперты установили, что насыпь размывается течением и в воду попадают не только инертные, засоряющие, но и химически-активные загрязняющие вещества.

Пользуясь правом, предоставленным ст. 191, 288 УПК РФ, эксперты предложили поставить вопросы, касающиеся загрязнения русла реки, непосредственно относящиеся к предмету назначенной экспертизы и могущие иметь решающее значение для рассмотрения дела. Однако следователь не только

⁴ Осмотр экспертом места происшествия рассматривается как важнейший этап процесса производства судебно-экологического исследования. В настоящее время активно внедряется производство и других родов экспертизы непосредственно на месте происшествия (баллистические, дактилоскопические, экспертиза следов взлома и др.).

не поддержал инициативу экспертов, но и в резкой форме отказался предоставить средства для отбора образцов воды в районе насыпи и ниже по течению, мотивируя это тем, что деградации подверглись только почвы. Лишь взвешенные и доброжелательные разъяснения экспертов о неразрывной связи природных элементов («в природе все связано со всем») склонили его оказать требуемую помощь. Кстати, именно полученные экспертами данные о загрязнении реки были положены в основу заключения по делу.

В подобных ситуациях эксперт-эколог должен проявлять предельную выдержку и вместе с тем твердость в отстаивании своего образа действий, не вступать в обсуждение узкопрофессиональных тем и беспредметные споры. Эксперт всегда должен помнить о дистантности, обусловленной статусом участников судопроизводства и выражаемой отсутствием фамильяризованных форм общения.

Познавательная деятельность эксперта-эколога с позиции творческого процесса решения задач характеризуется креативностью, опирающейся на нетрадиционность и нестандартность мышления. Только такой подход становится залогом успешного решения экспертной задачи.

Проведение экспертного исследования на предполагаемом месте происшествия сопряжено с большой предварительной работой — ознакомлением с лесорастительными, климатическими, фенологическими, градостроительными и иными особенностями территории, подготовкой материалов и подручных средств, исследованием объема и характера заданий, определением своих возможностей. Все неожиданности, подстерегающие эксперта-эколога на месте происшедшего события, предусмотреть невозможно. Это могут быть непрогнозируемые осадки, невозможность доступа на место осмотра, выкорчевка пней на месте незаконной порубки и т. д. Но со временем приходят и необходимые умения. Эксперт в состоянии устроить временный навес из подручных материалов над разрезом⁵, обратиться в соответствующую инстанцию для содействия в организации осмотра места события, отобрать древесные частицы на месте корчевки пней и пр.

Необходимость возмещения экологического вреда, с одной стороны, представление об экспертах-экологах как о «ботаниках» — с другой, побуждает нарушителей природоохранного законодательства к оказанию давления на них в той или иной форме. Это могут быть уничижительные высказывания в адрес эксперта, наступательное «уличение» его в недостаточной компетенции, угрозы. Так, при экспертном осмотре места события по делу о незаконной рубке восьми 70-летних ценных елей (ст. 261 УК РФ) подозреваемый, причастный к СМИ, в ультимативной форме требовал от экспертов подтверждения его за-

явления о том, что вырубленные деревья являлись мертвыми, сухостойными. В случае вырубки сухостоя дело могло быть переквалифицировано по другой статье. При этом он применил все указанные выше методы давления, его не остановило даже присутствие прокурора района.

Эксперт-эколог должен быть готов к критическому восприятию его деятельности на месте происшествия, поскольку представители сторон, как и следователи, склонны переоценивать свои познания в экологии. Однако знания, полученные человеком из жизненного опыта, так называемая эмпирическая житейская психология, не имеют точных доказательств. А задача науки состоит в том, чтобы делать знания точными, проверяемыми и, соответственно, пригодными к практическому применению.

Большая часть СЭЭ назначается по гражданским и арбитражным делам. В подобных случаях ответчик имеет возможность непосредственно общаться с экспертами. Крупные денежные отчисления, взыскиваемые с нарушителей для возмещения ущерба и восстановления нарушенного состояния объектов окружающей среды, в ряде случаев инициируют предложение «вознаграждения» за уменьшение расчетных сумм. Доказать факт предложения взятки практически невозможно, тем не менее эксперт не должен бурно проявлять возмущение. Целесообразно тактично пресечь подобные попытки и сообщить о предложении лицу, ведущему дело.

В процессе судебного рассмотрения дела заключение эксперта-эколога подвергается детальному анализу со стороны защиты. Редко кому приходит в голову приносить на судебное заседание учебники криминалистики, чтобы уличить эксперта-баллиста или эксперта-трасолога в некомпетентности или недобросовестности; но при рассмотрении дел об экологических правонарушениях такое встречается сплошь и рядом. Адвокат вооружается учебными пособиями, определителями, научными статьями и другой специальной литературой. Используются два основных способа оказания давления на эксперта. Первый — употребление при постановке вопросов большого количества специальных терминов, не всегда уместных и оправданных. Это делает вопрос не вполне понятным для участников процесса и не конкретным для эксперта. В подобных случаях судья должен предложить адвокату сформулировать вопрос в более простой форме. Иначе эксперт вынужден отвечать в том же духе, на «профессиональном» языке, при этом пытаясь объяснить суду, что сторона защиты использовала термин некорректно. Терминологические споры неизбежно снижают убедительность показаний эксперта.

Второй характерный адвокатский прием — вырывание из контекста заключения или научного источника фразы, которая, не имея прямого отношения к делу, способна в определенной мере дискредитировать выводы заключения СЭЭ. В подобных случаях много зависит от общей эрудиции и реакции эксперта, которому приходится вступать в дискуссию с не слишком компетентным в эко-

⁵ Почвенный разрез — вертикальная стенка почвенной ямы (шурфа), по которой описывается почва, исследуются почвенные горизонты и берутся пробы для анализов. Глубина разреза должна быть такой, чтобы обнажилась почвообразующая, или материнская, порода.

логии, но амбициозным и целеустремленным противником.

Ознакомившись с заключением (или сообщением о невозможности дать заключение), суд или следователь в соответствии со ст. 187 ГПК РФ, 86 АПК РФ, 205, 282 УПК РФ вправе допросить эксперта. Цель допроса — уточнение выводов, а также разъяснение мест заключения, не ясных участникам процесса.

Эксперт имеет право не отвечать на навоящие вопросы, а также на вопросы, не относящиеся к предмету исследования. Представители сторон процесса не всегда соблюдают это условие, пытаясь получить устраивающие их ответы. Например, при обсуждении обстоятельств разлива нефтепродуктов сторона защиты настаивала на ответе эксперта на вопрос о техническом состоянии заглушек на магистральном трубопроводе. Но эксперт отказался отвечать на вопрос, не входящий в сферу его специальных знаний, и суд обоснованно счел этот вопрос выходящим за пределы компетенции эксперта-эколога.

В ходе допроса эксперт имеет возможность привести дополнительную аргументацию, подтверждающую ранее данные выводы; разъяснить сущность специальных терминов и формулировок; обосновать целесообразность использования выбранной методики исследования, приборов и оборудования; более подробно рассмотреть научные закономерности, на которых базировались выводы. Если участники процесса испытывают сложности в восприятии нюансов заключения, полные и обстоятельные ответы эксперта на возникшие вопросы, его пояснения позволяют избежать назначения дополнительной экспертизы и тем самым сократить сроки рассмотрения дела судом.

Если умение выступать публично является непреложным для адвоката, эксперт, в том числе эксперт-эколог, в соответствии с профессиональными требованиями не обязан обладать даром красноречия: «продуктом» его деятельности является письменное заключение. В практике автора статьи отмечался ряд случаев, когда добросовестные и грамотные эксперты, не сумев достойно ответить на провокационные вопросы адвокатов, уходили из профессии.

Таким образом, умение убедительно излагать свои доводы, не перегружая речь отступлениями, непонятными слушателям, является далеко не лишним в профессии эксперта-эколога.

Ряд авторов отмечает возможность возникновения в процессе работы изъянов поведения, вызванных так называемой профессиональной деформацией судебного эксперта. Это в немалой степени характерно для экспертов, проводящих СЭЭ. Безусловно, многим биологам в определенной степени присущ профессиональный снобизм. Биология — наука о жизни. Идея воздействия на природу, сознательного управления всеми природными силами вплоть до космических, то есть механизмами самой жизни, составляет суть философских воззрений многих мыслителей и большинства ученых, избравших про-

фессию биолога. В силу этого они предполагают наличие неких особых взаимоотношений с природой: «...только любовь дает права... без любви к природе нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни», — писал известный русский философ В.С. Соловьев. «Любовь к природе» в глазах ряда биологов придает их работе характер исключительности.

В настоящее время не существует учебных заведений, которые готовили бы экспертов-биологов и экспертов-экологов. Получить подобную специальность может только лицо с высшим биологическим образованием, пройдя соответствующую подготовку в экспертном учреждении. Если биолог сумеет освоить необходимый комплект юридических дисциплин (а биология и юриспруденция представляют собой два полюса наук различного генезиса) и сдаст квалификационный экзамен, ему присваивается специальность судебного эксперта. После этого он попадает в сферу строгой правовой регламентации деятельности и полной самостоятельности в избрании методов исследования. Экспертам-экологам предоставляется тактический простор для работы в условиях дефицита времени, физических и психологических перегрузок при обязательном сохранении служебной тайны и повышенном внимании к результатам экспертизы лиц, заинтересованных в результатах экспертного анализа. В подобных условиях биолог, уже и так считающий себя причастным к тайнам мироздания, может обрести завышенное мнение о своих профессиональных качествах и возможностях. Иногда оно становится препятствием на пути установления психологического контакта с лицом, назначившим экспертизу, и с другими участниками процесса.

Л.И. Слепнева⁶ перечисляет наиболее типичные случаи профессиональной деформации судебного эксперта любой специальности:

- убеждение в неспособности следователя или суда правильно оценить и эффективно использовать результаты экспертного исследования;
- преувеличенное представление о своем профессиональном опыте или знаниях и умениях;
- шаблонность стереотипов мышления и действий;
- формальное отношение к выполнению профессиональных обязанностей.

Следует отметить, что два последних вида деформаций практически не свойственны экспертам-экологам: шаблонность при производстве СЭЭ исключается в силу нестандартности и многообразия экспертных ситуаций. Это же обстоятельство не дает возможности формально относиться к решению разнообразных экспертных задач, связанных с исследованием разных элементов окружающей среды: почв, растительности, животного мира, водных объектов и т. д.

⁶ Слепнева Л.И. Профессиональные деформации судебного эксперта // Судебная экспертиза. Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз. М.: МГЮА, 2014.

Тем не менее особенности личностных качеств эксперта в определенной мере влияют на характер его общения практически со всеми участниками процесса: следователем, прокурором, адвокатом, судьей и др. Известно, что при назначении СЭЭ следователи и судьи нередко просят поручить экспертное исследование конкретному лицу. В первую очередь учитываются его качества как высококлассного специалиста, способного не только быстро и качественно провести исследование, но и помогающего поставить вопросы, имеющие значение для рассмотрения дела. Однако немаловажное значение имеют и такие свойства, как тактичность, внимательность, выдержанность, скромность, сообразительность, умение считаться с мнением других и др.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что профессия судебного эксперта-эколога основывается не только на любви к природе и высокому профессионализму, но и на характере определенного склада. Необходимо обладать такими качествами, как независимость взглядов, способность проявлять объективность, принципиальность, неподкупность, аналитический ум; креативность, логичность мышления; научно-практическая любознательность; гибкость в решении экспертных задач; постоянная критичность к полученным ре-

зультатам исследования. Выпускники биологических вузов и факультетов, задумывающиеся о работе эксперта-эколога, должны отдавать себе отчет в высоте требований, предъявляемых данной профессией.

Литература

1. Ароцкер Л.Е. Об этике судебного эксперта // Криминалистика и судебная экспертиза. 1968. № 5. С. 7–15.
2. Арсеньев В.Д. Нравственные качества деятельности судебного эксперта // Методология судебной экспертизы: сб. тр. М.: ВНИИСЭ, 1986. С. 82–86.
3. Кискина Е.Е. Общие подходы к исследованию деятельности судебного эксперта // Судебная экспертиза. 2009. № 3 (18).
4. Майлис Н.П. Нравственные основы взаимодействия эксперта со следователем // Выявление и предупреждение преступлений криминалистическими средствами и методами. М.: Печатный город, 2004. С. 39–43.
5. Майорова Е.И., Адаманова Э.В. Правовые и организационные основы судебно-экологической экспертизы: учеб. пособие. М.: ФГБУ ВПО МГУЛ, 2015. 60 с.
6. Слепнева Л.И. Профессиональные деформации судебного эксперта // Судебная экспертиза. Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз. М.: МГЮА, 2014.

ПОЛИГРАФ КАК РЕГИСТРАТОР НЕВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНОЙ СИТУАЦИИ (К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ)

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
главный редактор журнала «Юридическая психология»,
преподаватель Военного университета Минобороны России,
юрист, психолог, педагог
014130@mail.ru

В социально-психологических экспериментах было установлено, что человек доверяет собеседнику только в случае конгруэнтности (соответствия) вербальной информации невербальной. Если же вербальная сигнализация неконгруэнтна (не соответствует) невербальной, то человек, как правило, делает вывод о том, что его собеседник лжет. В процессе общения человек сам выступает регистратором невербальной информации. В юридически релевантных (юридически значимых) ситуациях регистратором невербальной информации может выступать специальный медико-биологический прибор — полиграф. Рассматривая полиграф как регистратор невербальной информации, автор приходит к выводу о научной обоснованности психофизиологического метода детекции лжи.

Ключевые слова: полиграф, невербальное общение, психофизиологический метод, научная обоснованность, детекция лжи, полиграмма, стимул, физиологическая реакция, юридически релевантная ситуация.

**POLYGRAPH AS A RECORDER OF NON-VERBAL INFORMATION
IN LEGALLY RELEVANT SITUATIONS
(ON THE SCIENTIFIC VALIDITY OF THE PSYCHOPHYSIOLOGICAL METHOD
OF LIE DETECTION)**

Belykh-Silaev Dmitry V.,

*Editor-in-Chief of the Journal "Juridical Psychology",
Lecturer in Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Lawyer, Psychologist, Pedagogue*

Psycho-social experiments established that a person trusts his/her interlocutor only if verbal information is congruent with (corresponds to) non-verbal information. If verbal signals are incongruent with (do not correspond to) non-verbal ones, the person usually concludes that his/her interlocutor lies. When communicating, the person itself acts as a recorder of non-verbal information. In legally relevant (legally significant) situations, a special biomedical device — polygraph — can act as a recorder of nonverbal information. Viewing a polygraph as a recorder of non-verbal information, the author makes conclusions on the scientific validity of the psychophysiological method of lie detection.

Keywords: polygraph, non-verbal communication, psychophysiological method, scientific validity, lie detection, polygraph chart, incentive, physiological response, legally relevant situation

Юридическая профессия относится к числу социономических. Социономические профессии — это профессии типа «человек — человек», то есть предполагающие постоянную работу с людьми и постоянное общение в ходе профессиональной деятельности. 60–70 % рабочего времени юриста проходит в общении [2]. Само по себе общение в ряде случаев порождает юридические последствия.

Общение — это деятельность по установлению, поддержанию и развитию контактов, осуществляемая человеком с целью удовлетворения потребностей и имеющая три стороны — коммуникативную (обмен информацией), перцептивную (восприятие друг друга в процессе общения) и интерактивную (взаимное влияние).

Различают коммуникацию вербальную (посредством речи, от лат. *verba* — слово) и невербальную (без слов). Таким образом, обмен информацией (коммуникативная сторона общения) возможен не только посредством речи, но и посредством других знаковых систем, которые в своей совокупности составляют средства невербальной коммуникации.

Рассмотрим структуру невербального поведения. В современной социальной психологии предлагается схема всех знаковых систем, используемых в невербальной коммуникации в ходе социального взаимодействия:

1) оптико-кинестическая (жесты, мимика, пантомимика, походка и визуальный контакт — частота обмена взглядами, длительность их, смена статики и динамики взгляда, избегание его; положительные эмоции приводят к расширению зрачка, отрицательные — к сужению)(см. рис.);

2) пара- и экстралингвистическая (паралингвистика — это система вокализации, т. е. качество голоса, его диапазон, тональность; гнев сопровождается увеличением силы и высоты голоса, резкости звуков; печаль, напротив, — спадом силы, высоты, звонкости голоса; экстралингвистика — включение в речь пауз, других вкраплений, например

покашливания, плача, смеха, наконец, сам темп речи);

3) проксемика — организация пространства и времени коммуникативного процесса (нормы приближения человека к партнеру по общению, свойственные американской культуре: интимное расстояние (0–45 см); персональное расстояние (45–120 см); социальное расстояние (120–400 см); публичное расстояние (400–750 см).); члены команды — справа от лидера).

У каждого человека существует своя, интуитивно осознаваемая «зона личного пространства» (как правило, до 40–50 см). Если эту зону пересекает незнакомый или несимпатичный человек, то возникает стихийное раздражение. Для симпатичных людей — реакция противоположная. Меняя физическую дистанцию, можно управлять состоянием собеседника, определять отношение (степень аттракции) к партнеру по общению. Кстати, для женщин эта дистанция несколько больше, чем у мужчин, поэтому они более болезненно реагируют на ее сокращение.

Совокупность этих средств призвана выполнять следующие функции: дополнение речи, замещение речи, репрезентация эмоциональных состояний партнеров по коммуникативному процессу, детекция лжи.

В социально-психологических экспериментах было установлено, что человек доверяет собеседнику только в случае конгруэнтности (соответствия) вербальной информации невербальной. Если же вербальная сигнализация неконгруэнтна (не соответствует) невербальной, то человек, как правило, делает вывод о том, что его собеседник лжет. В процессе общения человек сам выступает регистратором невербальной информации. В юридически релевантных (юридически значимых) ситуациях регистратором невербальной информации может выступать специальный медико-биологический прибор — полиграф.

Полиграф — это медико-биологический прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических показателей

Физиологический показатель — это зарегистрированная полиграфом в виде электрических сигналов деятельность вегетативного органа или системы.

В настоящее время для изучения функциональных систем, эмоциональной сферы и поведения человека используют сотни различных показателей, но в процедуре инструментальной «детекции лжи» к основным фиксируемым психофизиологическим процессам относятся [4]:

- 1) дыхание;
- 2) пульс;
- 3) артериальное давление крови;
- 4) фотоплетизмограмма;
- 5) кожно-гальваническая реакция;
- 6) тремор.

(1) **Дыхание (respiration)** — это совокупность физиологических процессов, при которых автоматически, непроизвольно, благодаря деятельности дыхательного центра, находящегося в головном мозге, осуществляется поступление в организм кислорода и выделение во внешнюю среду углекислого газа (внешнее дыхание), а также использование кислорода клетками для окисления органических веществ с освобождением энергии, расходуемой в процессе жизнедеятельности (клеточное, или тканевое, дыхание). Дыхание также участвует в поддержании постоянного кислотно-щелочного баланса внутренней среды организма и в поддержании постоянной температуры тела [5].

У человека различают *грудное, брюшное и смешанное* типы дыхания.

Грудное дыхание (верхнее дыхание) — это тип дыхания, при котором наиболее активно работают наружные и внутренние межреберные мышцы, активно при внешних дыхательных движениях двигаются стенки грудной клетки, а диафрагма малоподвижна и живот втянут при вдохе.

Брюшное дыхание (нижнее, диафрагмальное дыхание) — это тип дыхания, при котором активно сокращаются диафрагма и мышцы брюшной полости при относительном покое стенок грудной клетки.

Смешанное дыхание — тип дыхания, при котором активны мышцы грудной и брюшной полостей, а также диафрагма. Существует некоторое различие в дыхании у мужчин и женщин: мужчинам присуще дыхание, близкое к брюшному, а женщинам — к грудному типу. На тип дыхания может влиять также возраст (подвижность грудной клетки уменьшается с возрастом) и профессия человека (при физическом труде преобладает брюшной тип дыхания). Любая жизнедеятельность организма невозможна без постоянно происходящих окислительных процессов, они ведут к выделению энергии, за счет которой работает сердце, сокращаются мышцы человека, осуществляется активная умственная деятельность. Все эти процессы идут на клеточном уровне. В результате деятельности клеток происходит потребление кислорода и выделение углекислого газа. Доставка кислорода клеткам и удаление углекислого газа производится кровью. Кровь — это своеобразная транспортная система, переносящая кислород от легких к биотканям и выделяющая через легкие углекислый газ. Любой стресс ведет к мобилизации резервов организма человека. Включаются дополнительные физиологические процессы, позволяющие организму успешно противостоять негативным последствиям стресса. Чем выше эмоциональное напряжение, тем больше подключается различных клеточных структур, за счет чего увеличивается потребление кислорода и выделение углекислого газа. В нормальном физиологическом состоянии человека значительное увеличение эмоционального напряжения не может происходить без изменения параметров дыхания. Поэтому для оценки уровня эмоционального стресса обследуемого при проведении полиграфных проверок регистрируют по-

казатели внешнего, т. е. легочного дыхания, обеспечивающего обмен газов между окружающей средой и кровью. В основе механизма легочного дыхания лежит изменение объема легких на вдохе и выдохе, на что и реагируют все датчики дыхания в полиграфах, фиксирующие дыхательные циклы.

Дыхательный цикл — это промежуток времени от начала одного вдоха до начала следующего (т. е. дыхательный цикл состоит из вдоха и выдоха). Для детального анализа дыхательных кривых выделяют следующие фазы. Первая фаза дыхательного цикла — вдох. Вдох характеризуется положительным потоком в дыхательных путях. При вдохе воздух поступает в легкие и дыхательный объем увеличивается. Вдох заканчивается, когда поступление положительного потока уменьшается до нуля. Вторая фаза дыхательного цикла — *инспираторная пауза (плато)*. Инспираторная пауза присутствует только при принудительных режимах искусственной вентиляции, характеризуется периодом нулевого потока между концом вдоха и началом выдоха. Во время инспираторной паузы объем воздуха в легких не меняется. Третья фаза дыхательного цикла — выдох. Выдох характеризуется отрицательным потоком в дыхательных путях. При выдохе воздух выходит из легких и дыхательный объем уменьшается. Конец выдоха характеризуется прекращением отрицательного потока. При этом дыхательный объем в норме должен уменьшиться до нуля. Четвертая фаза дыхательного цикла — период покоя. Период покоя характеризуется отсутствием потока в дыхательных путях между концом выдоха и началом вдоха следующего дыхательного цикла. Продолжительность этого периода очень важна для определения резервов по увеличению длительности вдоха или частоты дыхания. Частота дыхания — количество дыхательных циклов в минуту.

(2) **Пульс** (лат. *pulsus* — удар, толчок) — это колебания стенок кровеносных сосудов, вызванные динамикой их кровенаполнения после каждого сердечного сокращения. В практике полиграфных проверок часто отождествляют пульс как таковой с частотой сердечных сокращений. В ходе научных исследований было установлено, что чем сильнее эмоциональное напряжение, тем больший объем крови необходим для устранения последствий стресса в организме. В связи с этим любое возрастание эмоционального напряжения ведет к увеличению сердечных сокращений. Следовательно, величина стресса может быть оценена частотой сердечных сокращений. Возрастание эмоционального напряжения увеличивает частоту пульса, а снижение уменьшает.

(3) **Артериальное давление (АД)** (blood pressure — BP) — давление циркулирующей крови по артериям. Артериальное давление (лат. *tensio arterialis*) — важнейший показатель, отражающий функциональное состояние сердечно-сосудистой системы. Его величина зависит от силы сокращений сердца, притока крови в артерии, эластичности и сопротивляемости сосудов и других факторов.

Различают *систолическое, диастолическое, среднее и пульсовое* давление.

Систолическое (максимальное) давление фиксируется в момент максимального подъема пульсовой волны в артериальной системе вслед за систолой левого желудочка.

Диастолическое (минимальное) давление отмечается во время спада пульсовой волны, когда происходит диастола сердца.

Пульсовым давлением называют разницу между величиной систолического и диастолического давления.

Среднее арифметическое между систолическим и диастолическим давлением называется средним давлением.

Артериальное давление крови измеряется в миллиметрах ртутного столба. Нормальные величины артериального давления у здоровых взрослых людей составляют: для систолического 120–140 мм рт. ст., для диастолического — 70–90 мм рт. ст. На величину давления влияют различные факторы, основными из которых являются количество крови, поступающей в сосудистое русло при одиночном сокращении сердца, скорость, с которой выводится кровь из сердца, частота сердечных сокращений, эластичность стенок сосудов артерии, величина просвета и эластичность периферических сосудов, включая и капилляры, объем циркулирующей крови, емкость венозных сосудов. Каждый из перечисленных факторов теоретически может самостоятельно оказать влияние на величину артериального давления. На практике, как правило, на начальном этапе включается несколько механизмов в регуляции давления. Увеличение эмоционального напряжения ведет к увеличению объема крови. Измерение АД в полиграфных системах не ставит своей задачей фиксацию максимального и минимального давления крови обследуемого. При полиграфных проверках информационную ценность представляют изменения его показателей в процессе тестирования.

(4) **Фотоплетизмограмма (ФПГ)** (photoplethysmogram — PPG) — метод регистрации оптической плотности ткани. Название данного метода происходит от греческих слов *phos* — свет и *plethysmos* — увеличение. При оценке эмоционального напряжения ФПГ оценивает целый комплекс состояний гемодинамики (кровообращения) человека. Основными из них являются кровоток и эластичность (растяжимость) кровеносных сосудов. Чем более эластичны сосуды, тем больше амплитуда ФПГ и тем более пологи переходы ее кривой. В частности, когда давление крови повышается или возникает *вазодилатация* (сужение) сосудов, амплитуда ФПГ возрастает, при снижении давления или вазоконстрикции сосудов амплитуда падает.

Регистрация ФПГ осуществляется прибором — плетизмографом, регистрирующим изменения объема части тела, где используются различные принципы регистрации показателей:

— регистрации изменения плотности светового потока, проходящего через обследуемый участок

биоткани, в том числе и отраженный световой поток, — фотоплетизмограф;

— регистрация изменений электрического сопротивления на фиксированном участке тела, — реоплетизмограф.

Существуют также и механические регистраторы (датчики плетизмограммы — ПГ), которые измеряют величину смещения ткани при прохождении «порции» крови, вызванной сокращением сердца.

При анализе показателей ФПГ используются характеристики трех типов волн, так называемые волны первого, второго и третьего порядков, характеризующие периодическое изменение амплитуды ФПГ. Реакции определяются по продолжительности волны и максимальной величины изменения ее амплитуды.

В канале ФПГ за реакцию принимаются следующие информационные признаки: изменение базальной линии, повышение амплитуды систолы, систолический «провал», диастолический «подъем», уменьшение частоты сердечных сокращений, увеличение частоты сердечных сокращений, реакция облегчения, изменение общего вида кривой, устойчивая экстрасистола, изменение положения дикротического зубца (при его наличии). Время возникновения реакции в сердечно-сосудистом канале составляет от 3-х до 10-ти секунд после окончания вопроса. После 10-ти секунд наблюдается реакция расслабления. Показатели реакций ФПГ могут быть искажены при резком изменении уровня освещенности помещения, в связи с высокой чувствительностью используемых датчиков фотоплетизмографа, а также вообще стать непригодными из-за различных заболеваний сердечно-сосудистой системы.

(5) **Кожно-гальваническая реакция (КГР)** (*galvanic skin response — GSR*), или психогальванический рефлекс, электрическая активность кожи — это биоэлектрическая активность, фиксируемая на поверхности кожи, обусловленная деятельностью потовых желез и выступающая компонентом ориентировочного рефлекса, эмоциональных реакций организма, связанных с работой симпатической нервной системы. КГР является одним из ведущих показателей состояния центральной нервной системы в оценке эмоциональной напряженности и регистрируется с любого участка кожи человека, но лучше всего с той части тела, на которой больше всего расположено потовых желез (с кончиков пальцев, ладоней и тыльной поверхности кистей рук или с подошвы стопы, на коже лба количество потовых желез будет чуть меньше).

Выделяются два типа КГР: *тоническая* и *фазическая*.

Тоническая КГР — это медленное изменение кожного сопротивления, или кожного напряжения, которое характеризует нервно-эмоциональное состояние (сопротивление кожи повышается при расслабленном состоянии и понижается при активации), т. е. тоническая составляющая характеризует показатели, которые развиваются за длительный

промежуток времени. Например, при неожиданном помещении человека в стрессовую ситуацию тоническая КГР перестроится в течение двух-трех минут. Эти две-три минуты — время запаздывания тонической реакции на эмоциональный раздражитель.

Фазическая КГР (от слова «фаза» — переменная величина) — это ответ центральной нервной системы на какой-то короткий ситуационный раздражитель, которую еще называют реакцией на новизну информации, т. е. фазическая составляющая представляет собой более короткие ответы на раздражители (несколько секунд).

Показатели фазической КГР остро реагируют на состояние напряжения, тревоги, усиление мыслительной деятельности. Но если один и тот же раздражитель предъявляется несколько раз подряд, то эти показатели постепенно снижаются по мере привыкания к предъявляемому раздражителю, в зависимости от его значимости, типа нервной системы человека, его функционального состояния на момент исследования.

В последнее время многие психофизиологи выступают против самого термина «КГР», заменяя его более точным названием — электрическая активность кожи (ЭАК), объединяющим целый ряд показателей, реагирующих по-разному, в зависимости от характера раздражителя и внутреннего состояния испытуемого. К показателям ЭАК относятся уровень потенциала кожи (УПК, или SPL), реакция потенциала кожи (РПК, или SPR), спонтанная реакция потенциала кожи (СППК, или SSPR), уровень сопротивления кожи (УСК, или SRL), реакция сопротивления кожи (РСК, или SRR), уровень проводимости кожи (УПрК, или SCL) и пр., где «уровень» означает тоническую активность, «реакция» — фазическую активность, «спонтанная реакция» — реакция, трудно связываемая с каким-либо раздражителем. Так как КГР зависит от активности потовых желез, то все, что снижает их активность, например, грубость или внешние повреждения кожи, различные кожные заболевания, влияет на регистрацию КГР. Характер реакции КГР также зависит от времени суток (оптимальное время проведения психофизиологического исследования — первая половина дня), состояния усталости обследуемого, его возраста, наличия у него какого-либо заболевания, принятия лекарственных препаратов и т. д. К информативным признакам КГР относят: время запаздывания реакции (с момента предъявления стимулирующей информации обследуемому, время запаздывания реакции составляет в норме 1,5–3 сек.), длину восходящей и нисходящей кривой, время, за которое реакция достигла максимума, максимальная высота кривой, амплитуда кривой и площадь под ней. Учитывается и отрицательная фаза кривой (часть кривой полиграммы, которая находится ниже нулевой линии), характеризующая степень тормозных реакций центральной нервной системы, которые призваны для коррекции реакций возбуждения. Анализ отрицательной фазы проводится таким же образом, как

и анализ основной кривой, с той лишь разницей, что она характеризует тормозные процессы. Реакция КГР, начинающаяся ранее 1 сек. после начала вопроса, и спустя 5 сек. после окончания вопроса, не принимается в расчет, так как эта реакция вызвана ассоциативными процессами (ассоциативным воспоминанием о событиях, связанных с его прошлым, в том числе и криминальным), а не ситуационной значимостью предъявленного стимула. В случае, когда основная информация, заложенная в предъявленном вопросе, и ассоциативная информация осознаются обследуемым с небольшими временными задержками, то кривая полиграммы зачастую имеет несколько вершин. Наличие такой реакции может означать, что обследуемый во время предъявления значимого стимула, среагировав на него в промежуток времени 1,5–2 сек., дополнительно вспомнил за это время информацию, связанную непосредственно с проверяемым вопросом. Например, на вопрос, связанной с похищенным предметом, ассоциативное воспоминание может быть связано с каким-либо действием, местом хранения этого предмета. Это воспоминание может также вызывать дополнительное, эмоциональное напряжение, несколько затянутое во времени. В этом случае наблюдается последующая вторая реакция с выраженной вершиной кривой полиграммы.

(6) **Тремор** (от лат. *tremor* — дрожание, двигательная активность) — это непроизвольное движение отдельных частей тела. Это дрожание вызвано периодическим сокращением отдельных групп мышц. Физиологический тремор представляет собой проявление нормального механизма сохранения положения тела. Параметры тремора (амплитуда и частота) в норме зависят от направления движения и величины усилия. Тремор усиливается при утомлении и сильных эмоциях, при аффектах (например, дрожание от страха, волнения и т. п.). Основное предназначение датчиков тремора — фиксация противодействия обследуемого проведению полиграфной проверки. Мышца сокращается под влиянием импульсов, идущих из центральной нервной системы по так называемым двигательным нервам. При своем сокращении мышца становится короче, а, следовательно, увеличивает свой объем. Изменение объема мышцы при сокращении и является основным источником информации при фиксации преднамеренных механических противодействий полиграфным проверкам.

На практике обязательной является регистрация не менее трех физиологических показателей — **дыхания** (грудного и диафрагмального), **электрического сопротивления кожи** (кожно-гальваническая реакция — КГР) и **показателей сердечно-сосудистой системы** — артериальное давление (АД) и/или плетизмограмма (ФПГ). В США предпочтение отдается регистрации АД.

При использовании большого числа параметров начинает возрастать аддитивный шум, так, что каждый последующий параметр привносит в итоговый результат гораздо больше шума, чем полезной информации [3]. То есть при определении количества

регистрируемых физиологических показателей полиграфологи руководствуются философским принципом (руководящим началом), сформулированным еще Уильямом Оккамой: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» (Не следует множить сущности без необходимости).

Совокупность физиологических показателей, зарегистрированных полиграфом, называется «*полиграммой*».

Все изменения регистрируемых показателей подразделяются на четыре основных типа:

- 1) фон;
- 2) реакция;
- 3) последствие;
- 4) артефакт.

Оценке подвергаются только реакции, а остальные изменения анализируются с целью выявления различного рода артефактов и определения общего психо-эмоционального состояния субъекта.

(1) **Фоновая полиграмма** — это флуктуация (изменение) физиологических показателей в отсутствии каких-либо **целенаправленных** внешних воздействий на обследуемого.

Обычно фоновую реактограмму записывают в начале испытания в течение 2–3 минут перед предъявлением первого вопросника. Испытуемый должен находиться при этом в неподвижном, расслабленном состоянии.

Регистрацию «фона» желательно также проводить и перед предъявлением каждого вопросника, особенно если их содержание тематически различно, а сами вопросники предварительно зачитываются субъекту проверки.

Запись фоновой реактограммы позволяет:

— оценить исходный уровень эмоционального состояния проверяемого лица (спокоен — возбужден);

— выявить артефакты, связанные с функциональными нарушениями в деятельности той или иной физиологической системы;

— выявить артефакты, связанные с какой-либо технической неисправностью прибора или неправильным наложением датчиков.

Кроме вышеперечисленного, изменения показателей в фоне могут служить «нулевой» точкой при оценке реакций, полученных на стадии испытания.

Как правило, у правдивого испытуемого начальное эмоциональное напряжение к концу испытания заметно уменьшается, а у лживого остается на прежнем уровне или даже увеличивается [2].

Исходный уровень эмоционального возбуждения оценивается по динамике частотных параметров дыхания, плетизмограммы (ПГ) или артериального давления (АД), а также фоновой активности кожно-гальванической реакции (КГР).

В среднем у физически здорового человека частота дыхания в состоянии покоя составляет 12–18 циклов (вдох-выдох) в минуту, а частота сердечных сокращений порядка 70–80 ударов в минуту. У хорошо тренированных лиц эти значения могут

составлять 6–8 и 55–60 соответственно, но если выраженное урежение дыхания появляется у субъекта, не связанного со спортом, то это может служить косвенным признаком попыток сознательного контроля своего состояния.

Изменения указанных значений в сторону увеличения свидетельствуют, как правило, о повышенном эмоциональном состоянии субъекта проверки [2].

Кроме этого, в ПГ обращают внимание на наличие так называемой волны второго порядка. При ее отсутствии (если это не связано с техническими характеристиками частотных фильтров преусилителя прибора) говорят о нормальной ПГ (спокойное состояние). Появление высокоамплитудных волн второго порядка оценивается как признак эмоционального напряжения.

Фоновая активность КГР проявляется в норме в виде 3–6 спонтанных реакций в минуту. В состоянии же эмоционального возбуждения спонтанные реакции носят непрерывный характер и по частоте возникновения близки к частотным характеристикам дыхания — 10–15 реакций.

Определенной информативностью в отношении исходного эмоционального состояния субъекта проверки, а также уровня его тревожности обладает тест на угашение КГР на звуковой, световой или болевой (слабая электростимуляция) раздражители. О высоком уровне тревожности проверяемого, а следовательно, и о высокой вероятности появления у него в ходе проверки реакций по типу «ложной тревоги» свидетельствует отсутствие угашения КГР при 6–10-м повторении внешнего раздражителя. Тест на угашение КГР проводится, как правило, после регистрации фоновой активности.

Нарушения в деятельности сердечно-сосудистой системы проявляются в фоновой реактограмме в виде спонтанно возникающих экстрасистол. Их наличие может свидетельствовать о перенесенном или имеющемся заболевании сердечно-сосудистой системы, например ишемической болезни сердца (ИБС). В случае подтверждения такого диагноза (что определяется в том числе при опросе объекта проверки) оператор должен принять решение о допустимости проведения психофизиологического исследования.

(2) Реакция — это изменения фоновой активности физиологического показателя, вызванные воздействием внешнего **целенаправленного** стимула (например, вопроса, изображения, предмета и т. п.).

В СПФИ за реакцию принимаются изменения физиологического показателя, возникшие в 10–15 секундном интервале после действия стимула. Изменения, возникшие после 25 секунд, за реакцию не принимаются.

Прикладное использование проверок на полиграфе, помимо тесной взаимосвязи вегетативных реакций с эмоциональными переживаниями, основано также и на **психофизиологическом феномене**, суть которого заключается в следующем.

Стимулы (вопросы, предметы, изображения), несущие в себе информацию об имевшем место событии, **запечатленном в памяти** опрашиваемого лица и представляющем для него **в ситуации СПФИ высокую ситуационную значимость, устойчиво вызывают физиологические реакции, превышающие по своей выраженности реакции на аналогичные, не связанные с этим событием стимулы.** Для проявления этого феномена необходимо соблюдение ряда условий, в частности привлечение внимания тестируемого к этим стимулам.

Различают реакции произвольные и непроизвольные.

Непроизвольными называют естественные реакции организма на внешний раздражитель, возникающие без каких-либо волевых усилий (автоматически и неосознанно) со стороны тестируемого. Произвольные реакции — это сознательно вызываемые субъектом вегетативные сдвиги с целью «зашумления» показаний полиграфа, т. е. с целью противодействия

Параметры реакции: временные (частота, латентный период, продолжительность) и мощностные (амплитуда, площадь кривой) значения реакции.

Основной характеристикой параметров реакций является их информативность. Информативным считается такой параметр, по величине изменений которого можно **устойчиво** выделить значимый стимул в ряду других стимулов с вероятностью, превышающей уровень случайного угадывания.

Стимул — это внешнее целенаправленное воздействие на организм, вызвавшее его ответную реакцию.

Стимулы подразделяются на физические (свет, звук, температура и т. п.), химические (например, вещества, лекарства, пища), психические и др. В практических СПФИ используются в основном психические или семантические стимулы. К ним относятся вопрос, фотография, рисунок, предмет и т. д.

Вопросник (опросник, тест) — это составленная по определенной методике совокупность стимулов. Вопросник может содержать от четырех и более стимулов (вопросов). Любой вопросник, как правило, предъявляться не менее трех раз с изменяемой в каждом предъявлении последовательностью вопросов. Тестируемый, как правило, знакомится с содержанием всех вопросов опросника *до его предъявления под контролем полиграфа.*

К каждому виду используемых в СПФИ стимулов предъявляются определенные требования.

В отношении вопросов это:

- максимально возможная краткость их формулировки;
- формулировка вопроса должна предусматривать только односложные ответы «да» или «нет»;
- ясность и четкость смыслового содержания вопроса, исключающего многозначность его толкования;
- если позволяют языковые средства, то желательно, чтобы основная смысловая нагрузка прихо-

дилась на конец вопроса, например формулировка вопроса «Это Вы украли деньги из сейфа?» может быть заменена на «Что касается кражи денег из сейфа, их украли Вы?»;

Помимо развернутых вопросов могут быть использованы отдельные слова, обозначающие имена, фамилии, предметы, названия и т. п.

(3) **Последствие** — это изменение показателя по окончании действия внешнего раздражителя.

(4) **Артефакт** (искажение, «то, чего не может быть») — изменения показателя, отличные от фона, но не вызванные внешним раздражителем. По времени артефакты могут быть связаны либо не связаны с действием внешнего раздражителя.

Существуют артефакты, связанные с различными неисправностями полиграфа (в основном ослабление или нарушения контактов в проводной системе датчиков), неправильным наложением датчиков, произвольными движениями проверяемого.

В то же время, если артефакт, например экстра-систола, носит не случайный характер, а появляется только на контрольные или проверочные вопросы, то в этом случае он может расцениваться как реакция.

Если в ходе социального взаимодействия, не порождающего юридические последствия, определять искренность собеседника допустимо и «на глазок», наблюдая за невербальными реакциями собеседника на предъявляемые стимулы и сопоставляя их с теми, что собеседник при этом говорит (вербальная коммуникация), то в юридически значимых ситуациях (например, в ситуации установления истины по уголовному делу, когда правоприменитель стремится не просто установить истину, то есть «то, что было на самом деле», но и привлечь виновного к юридической ответственности, которая означает обязанность претерпеть лишения), истинность (ложность) сообщенной информации должна устанавливаться регистратором, исключая субъективность ее восприятия, каковым может быть полиграф.

Применение психофизиологического метода детекции лжи в юридической практике, в том числе при раскрытии и расследовании преступлений, возможно только в том случае, если этот метод является научно обоснованным.

Взгляд на полиграф как на регистратор невербальной информации приводит нас к выводу о научности психофизиологического метода детекции лжи. Психофизиологический метод детекции лжи является научно обоснованным, поскольку он соответствует

критериям научного познания, каковыми являются:

1) объективность (объективность психофизиологического метода состоит в том, что физиологические реакции, которые регистрирует полиграф, существуют объективно), 2) доказательность и обоснованность (эмпирические факты и логические рассуждения доказывают и обосновывают истинность психофизиологического метода); 3) выраженность в понятиях (полиграфология имеет свой понятийный аппарат, основу которого составляют такие понятия, как «полиграф», «психофизиологический метод», «стимул», «физиологическая реакция», «полиграмма»); 4) рациональность (разумность, осмысленность психофизиологического метода детекции лжи проявляется в том числе и в возможности калькуляции (формальная рациональность), обчета физиологических реакций на предъявляемые стимулы); 5) сущностная характеристика (суть психофизиологического феномена состоит в том, что стимулы (вопросы, предметы, изображения), несущие в себе информацию об имевшем место событии, запечатленном в памяти опрашиваемого лица и представляющем для него в ситуации СПФИ высокую ситуационную значимость, устойчиво вызывают физиологические реакции, превышающие по своей выраженности реакции на аналогичные, не связанные с этим событием стимулы); 6) системность (знание о психофизиологическом методе детекции лжи особым образом организовано в форме теории о психофизиологическом феномене); 7) проверяемость (психофизиологический метод нашел подтверждение в практической деятельности и подтвержден ею); 8) способность к развитию (с развитием техники, то есть полиграфа как медико-биологического прибора, будет совершенствоваться и методика психофизиологической детекции лжи).

Литература

1. Белых-Силаев Д.В., Буторин И.И., Мишуткин И.В., Шеломенцев И.В. Психологические основы специальных психофизиологических исследований (СПФИ) с применением полиграфа в ключе «детектора лжи» // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 38.
2. Белых-Силаев Д.В. Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшим при возникновении острой реакции на стресс. // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 40.
3. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: учеб. М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Князев В., Варламов Г. Полиграф и его практическое применение. М.: Принт-Центр, 2012. С. 94.
5. Смирнов В.М., Свешников Д.С., Яковлев В.Н., Правдивцев В.А. Физиология центральной нервной системы. М.: Академия, 2007. С. 240.

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОЛИГРАФЕ (РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР СТАТЬИ Р. НЕЛЬСОНА)*

Хамзин Саид Рушанович,
специалист-полиграфолог,
член Американской ассоциации полиграфологов,
член Британской и Европейской ассоциации полиграфологов
saidhamzin@gmail.com

В статье проводится обзор публикаций по исследованиям применения методики вопросов сравнения при проведении исследований на полиграфе. Рассматриваются все этапы проведения исследования на полиграфе; предлагается физиологическое и психологическое обоснование; приводятся данные о надежности полиграфа. Рассматриваются факторы, влияющие на точность получаемых данных. Исследование на полиграфе рассматривается как вероятностный и недетерминированный вид исследования, в котором используются как данные регистрации физиологических показателей, так и статистические методы.

Ключевые слова: полиграф, детекция лжи, проверка на полиграфе, обнаружение сигналов, анализ полученных данных, научное обоснование.

SCIENTIFIC SUBSTANTIATION OF POLYGRAPH-BASED TESTS (ABSTRACTIVE REVIEW OF THE ARTICLE OF R. NELSON)

Khamzin Said R.,
Polygraph Examiner,
Member of the American Polygraph Association,
Member of the British & European Polygraph Association

The article covers a review for comparison question polygraph testing. The review summarizes all aspects of the testing procedure and a proffer of the physiological and psychological basis for polygraph testing and polygraph accuracy information is summarized. Evidence is reviewed for threats to polygraph accuracy. The polygraph is described as a probabilistic and non-deterministic test, involving both physiological recording and statistical methods.

Key words: polygraph, lie detection, polygraph test, signal detection, test data analysis, scientific basis.

Исследования на полиграфе могут иметь форму *диагностических* или *скрининговых*¹. Диагностическое

* Оригинал статьи: Nelson R. (2015). Scientific Basis for Polygraph Testing. Polygraph. 44 (1), 28–61. Авторское право принадлежит Американской ассоциации полиграфологов, перевод и перепечатка выполнены с разрешения Американской ассоциации полиграфологов. Реймонд Нельсон — Председатель правления Американской ассоциации полиграфологов, автор множества публикаций и исследований по различным сферам применения полиграфа, руководитель программ подготовки полиграфологов. Выступает как докладчик на международных конференциях. Привлекался в качестве эксперта в области полиграфологии и психотерапии к судебным разбирательствам.

¹ В соответствии со Стандартами Практики американской ассоциации полиграфологов используются следующие виды исследований на полиграфе (APA Standards of Practice, Effective. September 1, 2015):

1. Доказательное исследование (evidentiary examination): исследование на полиграфе, согласованное сторонами, целью проведения которого является предоставление диагностического заключения для судебного разбирательства.
2. Парное исследование (paired testing examination): исследование на полиграфе, проводимое последовательно двумя и/или более специалистами, которые заведомо не знакомы с результатами предыдущих исследований в отношении одного и того же вопроса, разрешение которого является целью каждого исследования. Парное исследование проводится с

исследование предполагает наличие происшествия, в котором предположительно обследуемое лицо могло принимать какое-либо участие и о котором известно по неким признакам в виде улики, свиде-

добровольного взаимного согласия сторон для разрешения спорного вопроса.

3. Следственная экспертиза (investigative examination): исследование на полиграфе, предназначенное для содействия расследованию, результаты которого не будут использоваться в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства. Следственная экспертиза может проводиться с целью скрининга или проверки ранее сделанных заявлений или установленных фактов.
4. Диагностическое исследование (diagnostic examination): исследование на полиграфе по вопросу, связанному с конкретным событием, либо следственная экспертиза на полиграфе, производимая с целью содействия в определении достоверности сообщаемых обследуемым фактов относительно его осведомленности или причастности к происшествию (преступлению). Диагностические исследования могут быть одноаспектными или относиться к нескольким обстоятельствам происшествия.
5. Скрининговое исследование (screening examination): исследование на полиграфе, проводимое в отсутствие известных данных о происшествиях или обвинениях. Скрининговые исследования могут быть однозадачными или многозадачными.

тельств, утверждений. В соответствии с результатом исследования делается положительный или отрицательный (диагностический) вывод об участии лица в происшествии.

Целью диагностического исследования является формирование заключения, которое может стать основанием для дальнейших действий в отношении обследуемого лица. Высокая точность результатов диагностических исследований достигается, прежде всего, благодаря тому, что его предназначение — разрешение одного конкретного вопроса.

При скрининговых тестах какая-либо информация о происшествиях либо проблемах отсутствует. Данный вид исследования предназначен для того, чтобы способствовать принятию правильного решения в сфере управления рисками путем исследования возможного совершения лицом действий разного характера, вызывающих озабоченность у заказчика исследования [1, 2].

Исследование на полиграфе состоит из трех этапов: 1) предтестовое интервью; 2) этап сбора данных во время теста; 3) анализ полученных данных.

Каждый этап оказывает значительное влияние, как на точность получаемых данных, так и на результаты исследования. По этой причине все допущения и процедуры, считающиеся базовыми для исследования на полиграфе, должны быть основаны на данных и теоретических конструкциях, которые поддерживаются научными публикациями.

Предтестовое интервью

Предтестовое интервью предназначено для ознакомления обследуемого с причинами проведения исследования, с процедурой тестирования, а также служит источником получения дополнительной информации по вопросам, связанным с обстоятельствами, обусловившими необходимость исследования. Предпосылкой для предтестового интервью является утверждение о том, что люди сообщают больше полезной информации в том случае, когда их к этому побуждает заинтересованный слушатель, который достигает взаимопонимания с интервьюируемым при помощи беседы и вопросов. Предтестовое интервью предназначено для того, чтобы правдивые обследуемые привыкли к когнитивному и эмоциональному воздействию, которое оказывает на них стимульный материал (вопросы, в которых описываются факты их возможной причастности к некоей проблемной ситуации). В то же время у лживых обследуемых предтестовое интервью повышает осведомленность о последствиях сокрытия информации и увеличивает силу реакции на предъявляемые стимулы.

Предтестовое интервью включает в себя беседу, подробное обсуждение стимульных вопросов и настроечно-ориентировочный (ознакомительный, стимуляционно-адаптирующий, установочный) тест.

Задачей первого этапа интервью является подтверждение личности обследуемого, представление специалиста, а также разъяснение обязанностей

участников исследования. Специалист кратко объясняет обследуемому назначение датчиков полиграфа, которые будут использоваться во время исследования, показывает оборудование для аудио- и видеозаписи.

Следующим этапом является предварительное определение того, пригодно ли данное лицо для проведения исследования. Разъясняются права обследуемого: предоставить добровольное информированное согласие на проведение исследования; прекратить процедуру в любой момент по требованию. Далее специалист переходит к краткому обсуждению обстоятельств дела и биографии обследуемого для того, чтобы установить с ним необходимый контакт. Также специалист предоставляет информацию о физиологических и психологических основах исследования на полиграфе и отвечает на вопросы о процедуре тестирования, которые могут возникнуть у обследуемого.

Далее проводится ознакомительный тест, в ходе которого специалист убеждается в том, что полиграф и датчики установлены и функционируют правильно, а у обследуемого появляется возможность попрактиковаться в выполнении всех требований специалиста, благодаря чему повышается точность результатов исследования [3].

Следующий этап предтестового интервью — это беседа, которая может иметь форму свободного, структурированного либо полуструктурированного интервью.

В *свободном интервью* используется простой разговорный язык, отсутствуют методы принуждения, человек может сообщить такой объем информации, который он считает нужным. При этом поощряется сообщение подробностей. Свободное интервью может включать в себя прямые или наводящие вопросы относительно происшествия, которые задаются перед началом составления вопросов теста. Подобная стратегия полезна при проведении исследований на полиграфе в ходе расследования происшествий, но она не совсем подходит для скрининговых проверок, при которых используется структурированное либо полуструктурированное интервью.

Структурированное интервью проводится в строгом соответствии с протоколом без каких-либо отклонений от него. Это интервью с четкой структурой, при этом интервьюер вправе задавать те вопросы, которые, по его мнению, учитывают индивидуальные характеристики интервьюируемого. Структурированное интервью не требует от специалиста наличия навыков и опыта интервьюера.

В *полуструктурированном интервью* специалисту необходимо использовать навыки и опыт интервьюера для получения наиболее полной информации. Оно также проводится с соблюдением предписанной протоколом последовательности действий при наличии четко сформулированных вопросов, для разрешения которых назначено исследование. Все вопросы, поставленные перед интервьюером, должны быть заданы.

Последним этапом предтестового интервью является формулирование и обсуждение вместе с обследуемым проверочных вопросов. Вопросы должны быть составлены таким образом, чтобы специалист был уверен в их корректном понимании обследуемым и с учетом тех фактов, о которых он сообщил в ходе их составления.

В тех случаях, когда исследование на полиграфе включает в себя проведение нескольких серий проверочных тестов, специалист должен сначала обсудить вопросы для каждого теста по отдельности, далее провести тесты, после чего проанализировать их результаты, а затем обсудить результаты с обследуемым.

Если ознакомительный тест не проводился до этапа обсуждения вопросов проверочного теста, он может быть проведен непосредственно перед фазой сбора данных проверочного теста.

Этап сбора данных во время теста

Проверочные вопросы, задаваемые во время теста, описывают возможную причастность обследуемого к действиям, ставшим причиной расследования. Эффективные проверочные вопросы должны быть простыми и прямыми. Следует избегать использования юридической лексики, слов с неоднозначным значением, слов, которые могут запутать обследуемого и быть неправильно им поняты. Каждый проверочный вопрос должен охватывать только одно конкретное действие.

Обычно в проверочных вопросах не затрагиваются темы, связанные с воспоминаниями, намерениями или мотивацией. Однако некоторые протоколы следственных действий допускают использование такого рода вопросов в том случае, если обследуемый признает совершение им соответствующего действия и установление фактов, связанных с памятью или мотивацией являются целью расследования.

В многозадачных скрининговых исследованиях проверочные вопросы могут описывать различные типы поведения, при этом отличаться друг от друга и не быть связаны друг с другом. Существуют данные о том, что разные реакции при ответах на данные вопросы взаимосвязаны [4]. По этой причине специалисты не допускают наличия положительных и отрицательных результатов в одном тесте. Независимо от того, какой тип теста проводился, диагностический или скрининговый, его результат всегда интерпретируется однозначно (оценка выставляется за тест в целом), хотя промежуточные результаты для конкретных проверочных вопросов могут оцениваться в соответствии со стандартами выбранной методики.

В большинстве исследований на полиграфе, проводимых сегодня в США, применяются различные типы тестов методики вопросов сравнения (далее — МВС). В дополнение к проверочным вопросам используются вопросы сравнения (ранее их именовали контрольными вопросами). Во время обчета результатов теста специалист подвергает

балльной и статистической оценке разницу в реакциях на проверочные вопросы и вопросы сравнения.

Традиционно в тестах по МВС используются вопросы сравнения вероятной лжи (далее — ВСВЛ). Также все чаще используются вопросы сравнения управляемой лжи (далее — ВСУЛ). В случае с ВСУЛ обследуемый должен намеренно говорить неправду в ответ на вопросы сравнения.

Использование ВСУЛ является простым для понимания и может применяться без необходимости маневрировать в беседе и манипулировать вниманием обследуемого.

Критические замечания относительно надежности ВСУЛ опираются на ошибочное представление о том, что полиграф измеряет ложь как таковую. Во время исследования на полиграфе производится регистрация реакций в ответ на стимулы. Полиграф не измеряет ложь, а позволяет отличить ложь от правды при помощи вероятностных моделей и статистических данных, которые описывают различия в характере реакций людей, сообщающих ложь или правду в ответ на проверочные вопросы и вопросы сравнения.

Также было установлено, что ВСУЛ сохраняют свою эффективность в разных языках и культурах [5].

Многочисленные исследования подтверждают одинаковую эффективность ВСУЛ и ВСВЛ [6].

Различия в реакциях на вопросы сравнения не являются полностью самостоятельными по отношению к главной теме расследования, поскольку эти реакции, наряду с реакциями на проверочные вопросы, принадлежат одному и тому же обследуемому (контекст ситуации расследования обуславливает особенности реагирования на все вопросы тестов. — Х.С.).

Во многих тестах МВС используются также симптоматические вопросы (symptomatic) — не связанные напрямую с темой проверки и жертвенные вопросы (sacrifice relevant questions), в которых спрашивается о намерении обследуемого отвечать правдиво. Использование данных вопросов не обосновано научными исследованиями. Они сохранились как структурная и процедурная часть некоторых видов тестов. Предполагается, что жертвенные вопросы способны поглощать и нивелировать первоначальную реакцию обследуемого на первый вопрос, который описывает цель проводимого исследования. Жертвенные вопросы включены практически во все современные методики исследований на полиграфе.

Во время теста требуется провести от трех до пяти предъявлений каждого стимула. После предъявления каждой серии вопросов делается перерыв, запись останавливается и спускается воздух из манжетки датчика сердечно-сосудистой активности. Согласно некоторым протоколам проведения исследований на полиграфе Министерства обороны США, предъявления должны проводиться без перерывов.

Анализ полученных данных — обсчет результатов исследований на полиграфе

Во время анализа полученных данных оцениваются различия в реакциях на проверочные вопросы и на вопросы сравнения. Реакциям присваиваются численные значения — баллы. Полученный результат сопоставляется с таблицей оценки результатов, в которой представлены нормативные значения показателей для «лжи» и «правды».

Обсчет в виде 7-балльной шкалы оценки получил распространение благодаря Кливу Бакстеру в 1963 г. В дальнейшем этот подход получил развитие и был усовершенствован.

Используют три варианта 7-балльной системы обсчета: модель, разработанную Министерством обороны США (2006); модель, опубликованную Американским международным обществом по испытанию материалов (2002); модель, разработанную исследователями Университета штата Юта. Их различие состоит только в процедуре проведения оценки и существенно не влияет на точность исследования [6].

Широко используется модификация 7-балльной шкалы оценки — 3-балльная система [7]. Многие полиграфологи отдают предпочтение 3-балльной шкале оценки за ее надежность и простоту использования, хотя существуют данные о том, что при ее использовании увеличивается количество неопределенных (inconclusive) результатов по сравнению с 7-балльной шкалой [6].

Эмпирическая система обсчета является модификацией 3-позиционной и 7-позиционной моделей обсчета. Точность данной системы сопоставима с другими моделями обсчета при отсутствии увеличения количества неопределенных результатов [8].

Принципиально оценка результатов исследований на полиграфе не отличается от оценки результатов исследований в таких дисциплинах, как медицина, психология, криминалистика, и включает в себя решение четырех основных задач: 1) определение критериев для наблюдения и измерения (т. е. характеристик, необходимых для обсчета); 2) преобразование данных характеристик в числовые значения; 3) распределение данных для обсчета числовых значений; 4) структурированные правила для принятия решений.

Методы обсчета результатов исследований на полиграфе связаны с *Теорией принятия решений* и *Теорией обнаружения сигналов*.

Основной задачей Теории принятия решений является поиск способов принятия оптимального решения.

Основной задачей Теории обнаружения сигналов является обнаружение и отделение полезной информации от фонового шума или случайной информации. Данная теория включает в себя две основные модели: обнаружение сигналов (например, «ДА» или «НЕТ») и дискриминация (различение) сигналов (например, «А» или «Б»).

МВС относится ко второй из двух вышеуказанных моделей, поскольку в заключениях, полученных

с ее помощью посредством исследования на полиграфе, полиграфологи пытаются достичь диагностической точности, относя обследуемого к категориям «лживых» или «правдивых» [9].

Литература

1. American Polygraph Association (2009a). Model Policy for Post-conviction Sex Offender Testing. [Electronic version] Retrieved January 25, 2012, from <http://www.polygraph.org>
2. American Polygraph Association (2009b). Model Policy for Law Enforcement Public Services Pre- Employment Screening Examinations [Electronic version] 1/25/2012, from <http://www .polygraph.org>
3. Bradley M.T. & Janisse M.P. (1981). Accuracy demonstrations, threat, and the detection of deception: Cardiovascular, electrodermal, and pupillary measures. *Psychophysiology*, 18: p. 307–315.
4. Barland G.H., Honts C.R. & Barger S.D. (1989). Studies of the accuracy of security screening polygraph examinations. DTIC AD Number A304654. Department of Defense Polygraph Institute.
5. Nelson R., Handler M., & Morgan C. (2012). Criterion validity of the directed lie screening test and the empirical scoring system with inexperienced examiners and non-naive examinees in a laboratory setting. *Polygraph* 41 (3): p. 176–185.
6. American Polygraph Association (2011b). Meta-analytic survey of criterion accuracy of validated polygraph techniques. *Polygraph*, 40 (4): p. 196–305.
7. Department of Defense (2006a). Federal psychophysiological detection of deception examiner handbook. Reprinted in *Polygraph*, 40 (1): p. 2–66.
8. Nelson R. & Handler M. (2010). Empirical scoring system: NPC quick reference. Lafayette Instrument Company. Lafayette, IN.
9. Schonhoff T. A. & Giordano A.A. (2006). Detection and estimation theory and its applications. New Jersey: Pearson Education.
10. Senter S.M. & Dollins A.B. (2008). Optimal decision rules for evaluating psychophysiological detection of deception data: an exploration. *Polygraph*, 37 (2): p. 112–124.
11. Department of Defense (2006b). Test data analysis: DoDPI numerical evaluation scoring system. [Retrieved from <http://www.antipolygraph.org> on 3-31-2007].
12. Barland G.H., Honts C.R. & Barger S.D. (1989). Studies of the accuracy of security screening polygraph examinations. DTIC AD Number A304654. Department of Defense Polygraph Institute.
13. Kircher J.C., Kristjansson S.D., Gardner M.K. & Webb A. (2005). Human and computer decision-making in the psychophysiological detection of deception. University of Utah.
14. Bear M.F., Barry W.C. & Paradiso M.A. (2007). Neuroscience: Exploring the brain: Third Edition. Philadelphia, PA: Lippincott Williams & Wilkins.
15. Ansley N. & Krapohl D.J. (2000). The frequency of appearance of evaluative criteria in field polygraph charts. *Polygraph*, 29: p. 169–176.
16. Handler M. & Reicherter J. (2008). Respiratory blood pressure fluctuations observed during polygraph examinations. *Polygraph*, 37 (4): p. 256–262.
17. Harris J.C. & Olsen D.E. (1994). Polygraph Automated Scoring System. Patent Number: 5,327,899. U.S. Patent and Trademark Office.

18. Ogilvie J. & Dutton D. (2008). Improving the detection of physical countermeasures with chair sensors. *Polygraph*, 37 (2): p. 136–148.
19. Bracha H.S., Ralston T.C., Matsukawa J.M., Williams A.E. & Bracha A.S. (2004). «Does «Fight or Flight» need updating? *Psychosomatics*, 45 (5): p. 448–449.
20. Pavlov I.P. (1927). *Conditioned reflexes: An investigation of the physiological activity of the cerebral cortex*. Sage Publications Inc. 2009.
21. Domjan M. (2010). *Principles of learning and behavior*, 6th edition. Cengage/Wadsworth.
22. Kahn J., Nelson R. & Handler M. (2009). An exploration of emotion and cognition during polygraph testing. *Polygraph*, 38: p. 184–197.
23. Honts C.R. & Peterson C.F. (1997). Brief of the Committee of Concerned Social Scientists as Amicus Curiae United States v Scheffer. Available from the author.
24. Abrams S. & Weinstein E. (1974). The validity of the polygraph with retardates. *Journal of Police Science and Administration*, 2, 39766.
25. Patrick C.J. & Iacono W.G. (1989). Psychopathy, threat and polygraph test accuracy. *Journal of Applied Psychology*, 74: p. 347–355.
26. Honts C.R., Winbush M. & Devitt M.K. (1994). Physical and mental countermeasures can be used to defeat guilty knowledge tests. *Psychophysiology*, 31, S. 57.
27. National Research Council (2003). *The polygraph and lie detection*. Washington, D.C.: National Academy of Sciences.
28. Handler M., Honts C. & Nelson R. (2013). Information gain of the Directed Lie Screening Test. *Polygraph*, 42: p. 192–202.
29. Nelson R. (2014e). What does the polygraph measure? *APA Magazine*, 47 (6).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ И ИНЫХ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛАХ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски сквозные, в конце статьи, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. К рассмотрению не принимаются материалы, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления рукописи в несколько изданий в дальнейшем материалы автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- a) индекс УДК и ББК (присваивается в соответствии с классификатором);
- b) название статьи на русском и английском языках;
- c) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, должность, место работы, ученая степень, ученое звание на русском и английском языках;
- d) аннотацию к статье (150–200 слов) на русском и английском языках;
- e) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний) на русском и английском языках;
- f) служебный адрес либо адрес электронной почты для опубликования в журнале.

Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

5. Статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем/консультантом.

6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

По вопросам опубликования статей просим обращаться в авторский отдел Издательской группы «Юрист»

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru